

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 2-80-42
3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 33

14 СЕНТЯБРЯ

1925 г.

№ 33

1925 г.

К предстоящей сессии ВЦИК.

10-го октября т. г. открывается 2-ая сессия ВЦИК 12-го созыва.

В повестке сессии, объявленной Президиумом ВЦИК, есть два пункта, касающиеся нашей работы. Вторая сессия ВЦИК будет обсуждать два проекта, внесенные Народным Комиссариатом Юстиции: проект нового Кодекса законов о браке, семье и опеке и проект изменений и дополнений Уголовного Кодекса РСФСР.

Проект нового Кодекса о браке, семье и опеке должен заменить собой Кодекс законов об актах гражданского состояния, который был издан в 1918 году и который, естественно, несколько устарел.

Основные черты проекта нового Кодекса, разработанного Народным Комиссариатом Юстиции, излагались уже не один раз на страницах как нашей, так и общей печати.

Над проектом Наркомюста работала специальная комиссия Малого Совнаркома, в которой принимали участие представители всех ведомств. Комиссия имела в своем распоряжении не только отзывы отдельных Наркоматов, но и мнения о проекте Наркомюста, полученные с мест от ряда губернских и уездных исполнительных комитетов. Комиссия внесла в проект Наркомюста некоторые изменения, более или менее существенного, но не принципиального свойства, которые не меняли принципиального подхода Наркомюста к основным вопросам брака, семьи и опеки. Тем не менее, когда работа комиссии была представлена в М. Совнарком, то она еще один раз была послана на отзыв всем ведомствам, и только недавно, 7-го сентября, по получении отзыва ведомств, Малый Совнарком приступил к обсуждению самого проекта, читая его статью за статьей.

Таким образом, если вспомнить всю историю разработки нового проекта, начиная с той комиссии

Совнаркома, которая была создана чуть ли не два года тому назад и проект коей в свое время был помещен на страницах «Еженедельника», то можно смело сказать, что из всех Кодексов, до сих пор принятых Советской властью, проект Кодекса законов о браке, семье и опеке подвергся наиболее широкому обсуждению.

Здесь не место подвергать этот проект подробному анализу, тем более, что предстоит еще его обсуждение в Совете Народных Комиссаров, в Президиуме ВЦИК и на самой сессии, но поскольку наши работники и прочие читатели из помещенных до сих пор статей более или менее знакомы с его содержанием, представляется не безинтересным отметить некоторые, внесенные в первоначальный проект Наркомюста изменения.

Как известно, статья 3-я проекта устанавливает, как брачный возраст, для женщин 16 лет, для мужчин—18. Малый Совнарком снабдил эту статью примечанием, которое мы, кстати сказать, считаем неправильным и которое в исключительных случаях, когда по хозяйственным и бытовым условиям гражданам, в особенности жителям сельских местностей, необходимо вступать в брак ранее достижения брачного возраста, предоставляет губернским отделениям ЗАГС понижать указанный возраст не более, однако, чем на полгода.

Проект Наркомюста (см. примечание к ст. 14-й) распространял право на получение содержания на лиц, фактически состоящих в брачных отношениях, хотя бы и незарегистрированных, при условии, «если лицо, обязанное выплачивать содержание, не состоит в зарегистрированном браке или, хотя и состоит, но живет отдельно от лица, состоящего с ним в зарегистрированном браке». Малый Совнарком высказался против этого условия, и, таким образом,

правом на получение содержания лица, состоящие в фактических брачных отношениях, пользуются всегда и безусловно.

Мы привели эти два изменения для иллюстрации нашего утверждения, что проект, вышедший из недр Малого Совнаркома, существенным образом не меняет первоначального проекта Наркомюста.

Есть одно и более существенное изменение. Как наши работники и читатели, вероятно, помнят, Коллегия Наркомюста высказалась в свое время за то, что, если суд установит, что мать ребенка в период зачатия была в близких отношениях, кроме лица, указанного в ее заявлении, еще и с другими лицами, то «суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагает на всех их обязанность участвовать солидарно в расходах, связанных с беременностью, родами» и т. д. (см. ст. 25 старого проекта).

Малый Совнарком разрешил этот вопрос иначе, предлагая суду постановлять в этих случаях решение о признании одного только из этих лиц отцом ребенка с возложением на это лицо всех обязанностей, с этим связанных.

Оба разрешения этого вопроса, в сущности говоря, в одинаковой степени возможны и имеют за собой каждый в отдельности достаточно обоснований. Трудно предвидеть, какое из этих решений будет в конце концов установлено высшим законодательным органом — сессией ВЦИК.

Другие изменения в проекте Наркомюста значительно менее серьезного свойства и едва ли о них стоит сейчас говорить.

Весь проект регулирует правовые отношения, вытекающие из брака, семьи и опеки, на основе нового революционного быта. Весь проект построен так, чтобы способствовать раскрепощению женщины, полному обеспечению и защите интересов матери и особенно детей и, наконец, уравниванию между собой супругов как в области имущественных взаимоотношений, так и, что особенно важно, в отношении воспитания детей.

Само собой разумеется, что Президиум ВЦИК, по представлению Ц. И. К. автономных советских республик, будет иметь право вносить в будущий Кодекс изменения, которые потребуются для приспособления его к особым бытовым и национальным условиям автономных советских республик и автономных областей.

Проект изменения Уголовного Кодекса, разработанный Народным Комиссариатом Юстиции, есть, в сущности говоря, проект нового Уголовного Кодекса.

Прежде всего было необходимо пересмотреть наш Уголовный Кодекс с точки зрения согласования его норм с основными началами уголовного законода-

тельства Союза Советских Социалистических Республик.

Из объяснительной записки Народного Комиссара Юстиции Д. И. Курского, приложенной к новому проекту, уже видно, что Коллегия Наркомюста включила в свой проект несколько положений, не совпадающих с Основными началами уголовного законодательства Союза, и в защите этих новых мыслей и лежит, главным образом, интерес обсуждения нового проекта УК на сессии ВЦИК. Мы не ввели в общее положение формальных моментов, выраженных в п. «б» ст. ст. 31 и 32 Основных начал, согласно коим суд определяет более суровую меру, если обвиняемый в настоящем или прошлом относится к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд, и менее суровую, если преступление совершено рабочим или крестьянином.

В самом деле, не следует забывать, что огромное большинство нашего населения — крестьяне и рабочие; кроме того, смягчение репрессии, вызванное исключительно пролетарским происхождением, не только не целесообразно, но, скорее, противоречит правосознанию широких масс рабоче-крестьянского населения Республики. По этим соображениям коллегия, приняв, как совершенно бесспорные, остальные моменты, перечисленные в ст. ст. 31 и 32 Осн. начал, как например, усиливающее ответственность совершение преступления в целях восстановления власти буржуазии или в ущерб интересам трудящихся масс, и, наоборот, смягчающее ее совершение преступления под влиянием экономической необходимости, и исключила указанные выше два момента, постановив войти, в порядке инициативы, о надлежалем утверждении этого изменения.

Наш проект ввел некоторые совершенно новые, неизвестные и Основным началам, положения: об имущественной ответственности юридических лиц в случаях осуждения их уполномоченных, об установлении особой сокращенной давности для дел о преступлениях, преследуемых, согласно УК, в административном порядке; некоторые положения он выразил более четко и законченно; так это сделано в соответствующей ст. 22 Осн. начал статьи проекта о предоставлении прокурорскому надзору права самостоятельного возбуждения уголовного преследования по обвинению в общественно-опасном состоянии лиц, хотя бы и не избранных в конкретных преступных деяниях, но определенно связанных с преступным миром или преступных в прошлой своей деятельности.

При пересмотре особенной части действующего Кодекса, тщательно выделены преступления, направленные против основ советского строя, от остальных преступлений и по значительному количеству преступлений снижена мера репрессии. В отношении целого ряда преступлений против порядка управле-

ния, как статьи 91, 92, 94 и другие, должностных (114, 115, 116 ст. ст.), некоторых хозяйственных, против личности, которые нельзя рассматривать, как направленные против основ советского строя, для судебно-исправительной меры установлен предел «до», т. е. установлен максимальный срок репрессии.

Особо следует обратить внимание на то, что по некоторым преступлениям, как контрабанда, переход границы, квалифицированное превышение власти и т. д., новый проект не предусматривает расстрела, ограничиваясь лишением свободы. Кроме того, по всему проекту проведено снижение сроков лишения свободы, что, однако, не помешало авторам проекта по отдельным преступлениям, как, напр., убийство под влиянием сильного волнения, хулиганство, истребление чужого имущества общественным способом—наоборот, увеличить срок лишения свободы.

Ряд статей ныне действующего Уголовного Кодекса совершенно не попал в новый проект. Сюда относятся статьи 96—о сообщении ложных сведений при вступлении в брак; ст. 126—о трудовом дезертирстве, и некоторые другие. В самом деле, деяния, предусмотренные такими статьями, или совсем уже не имеют места в современной действительности, или больше подходят под действие иных статей нашего Кодекса.

Стоит обратить внимание на раздел I главы

1-й особенной части Кодекса о преступлениях контрреволюционных. Он тщательно пересмотрен, очень внимательно отредактирован, и в порядке законодательной инициативы и в согласии со ст. 3-й Основных начал выдвигается нами в качестве общесоюзного закона.

Из отдельных частных в изменениях мы позволим себе указать, например, на чрезвычайно важное прибавление к соответствующей ст. 98 действующего УК статье проекта примечание, при наличии коего под действие этой статьи не будут подводиться, как это бывало в практике, прибывающие на территорию Союза без надлежащего разрешения иностранцы, преследуемые на родине за политическую деятельность или религиозные убеждения.

Не останавливаясь на всех других изменениях, вносимых в УК, нужно в общем признать, что проект в том виде, как он вышел из недр Наркомюста, представляет из себя значительное усовершенствование ныне действующего Уголовного Кодекса.

Предстоящая работа Комиссии Совнаркома, Совнарком и, наконец, сессия ВЦИК внесут, вероятно, отдельные поправки, но в основном, надо думать, проект Наркомюста будет принят и утвержден.

Последний пункт повестки 2-й сессии ВЦИК посвящен утверждению всех тех узаконений, которые приняты в период между сессиями ВЦИК в порядке ст. 2-й постановления ВЦИК от 7-го июля 1923 года о порядке изменения Кодексов.

О юридической квалификации внутренних отношений синдикатов с трестами.

В советском гражданском праве в связи с тропичным характером деятелей гражданского оборота (государственные предприятия, кооперативные организации и частные лица) сосуществуют некогда разделенные две системы правовых норм—публицистическая и цивилистическая.

Обе эти системы отражаются на каждом институте нашего хозяйственного права, поскольку его действию подлежат субъекты оборота с несходными между собою юридическими чертами. Договоры и сделки между синдикатом и входящими в него трестами, несмотря на их чисто-цивилистическую внешность, насыщены по преимуществу элементами публичного права.

Вопрос о внутренних отношениях синдиката с его трестами или, так называемых для краткости, «внутрисиндикатских отношениях» волнует наши хозяйственные круги уже несколько лет. Кроме общей важности вопроса, как проблемы нашего корпоративного права, с юридическим характером «внутрисиндикатских отношений» связан вопрос о предоставлении или непредоставлении этим от-

ношениям известных формальных и налоговых льгот, способных в конечном счете удешевить продукцию синдицированной промышленности и оживить ее товарооборот.

Вопрос ставится так: рассматриваются ли сделки между синдикатами и его членами, вытекающие обычно из постановлений устава или общих собраний членов, как гражданско-правовые отношения договорного происхождения, или как акты исполнения плановых заданий, основанные на заранее установленном организационном начале?

При первом толковании мы имеем дело с конкретно заключенными договорами, поскольку стороны выразили друг другу впервые согласие по всем существенным пунктам, а потому нет никаких оснований для изъятия этих договоров из общих правил их оформления и обложения всеми установленными законом налогами и сборами. При втором толковании отрицается самый существенный для возникновения договора момент—свободное на данную сделку волеизъявление сторон, так как основные моменты отдельных сделок уже определены ранее установленным генеральным соглашением

сторон, имеющим характер корпоративного акта и зафиксированным, либо в уставе синдиката, либо в утвержденном общим собранием его членов плане, а потому такие сделки не являются договорными в точном смысле этого слова и вследствие этого не должны нормироваться по всем ригористическим требованиям частного-правового оборота.

Этот вопрос в отношении обязательности применения к «внутрисиндикатским отношениям» ст. 137 Гражд. Кодекса был разъяснен 24 марта 1924 г. Общеконсультационным подотделом Наркомюста (разъяснение по запросу Солесиндиката).

В этом разъяснении говорится:

«Купля-продажа, разновидностью коей является поставка, представляет основной договор товарно-денежного хозяйства, покоящегося на началах рыночного обмена. Рыночный обмен означает существование свободных неорганизованных отношений друг к другу отдельных товаровладельцев. На регламентирование этих неорганизованных рыночных торговых отношений направлены законодательные нормы о купле-продаже. Торговля и рыночный обмен, а, следовательно, и купля-продажа в условиях государственного капитализма представляют способ приспособления планового государственного хозяйства к сфере распыленного, мелкобуржуазного, неорганизованного хозяйства большинства населения Союза.

Отношения между синдикатом и входящими в его состав трестами построены на совершенно иных основаниях. Поскольку синдикат есть организованное на основе определенного устава или положения объединение государственных трестов, взаимоотношения между синдикатом и его членами представляются также организованными, основанными на известном плане. Синдикаты организуются с целью преодолеть разрозненные, неорганизованные выступления на рынке отдельных трестов одной и той же отрасли промышленности. Поэтому невозможно предположить, чтобы внутри самого синдиката господствовали неорганизованные отношения рыночного обмена, т.е. купля-продажа.

Таким образом, следует прийти к выводу, что к тем внутренним правоотношениям между синдикатом и его участниками по поводу продукции последних, в основе которых лежит определенный организационный момент—постановление устава синдиката или собрания уполномоченных—не могут иметь применения правила закона о купле-продаже или поставке. Такие внутрисиндикатские отношения вообще не могут быть подведены под понятие договора между государственными предприятиями, поскольку синдикат сам представляет, по смыслу резолюции X Всероссийского Съезда Советов по докладу о состоянии промышленности (С. У. 1923 г. № 28, ст. 327, п. «г» ст. 4), орган государственной крупной оптовой торговли по сбыту и заготовкам, объединяющий тресты синдицированной отрасли промышленности. Поэтому к такого рода внутрисиндикатским отношениям, которые основываются на постановлениях устава или собрания уполномоченных, не должны иметь применения и правила ст. 137 Гр. Кодекса об обязательном нотариальном засвидетельствовании договоров между госорганами.

Только в тех случаях, когда синдикат не в порядке заранее установленного плана (зафиксированного уставом или постановлением собрания его членов) принимает продукцию своих членов для реализации, а приобретает ее на тех же основаниях, как и всякий другой орган оптовой торговли, т.е., когда он выступает по отношению к своим членам не в качестве их объединенного торгового аппарата, а в качестве одного из возможных покупателей, только в таких случаях должны иметь соответственное применение как правила ст. 137 Гражд. Кодекса, так и постановления закона о купле-продаже и поставке».

Это разъяснение Наркомюста весьма ценно не только по своим практическим результатам (освобождение известной категории внутрисиндикатских сделок от оформления в порядке ст. 137 Гражд. Код.), но и по некоторым содержащимся в нем, правда, неразвитым, теоретическим замечаниям относительно юридической природы внутренних правоотношений между синдикатом и его членами по определенной категории сделок («к ним не могут иметь применения правила закона о купле-продаже и поставке»). Однако, это разъяснение Наркомюста, квалифицируя указанную категорию внутрисиндикатских отношений в отрицательной форме, не содержит в себе положительного ответа по вопросу об юридической природе, как трактуемых им же сделок синдиката с его членами, так вообще синдикатско-трестовских отношений, которые все же, независимо от их основания, имеют несомненные особенности по сравнению с подобными сделками частного-правового оборота. Вследствие этого остаются также нерешенными связанные с этим некоторые практические вопросы гражданского и налогового права (допустимость неустоек, обложение и т. д.).

Вопрос о квалификации внутренних синдикатско-трестовских отношений вообще и связанные с этим вопросы налогового обложения были предметом обсуждения происходившего в Москве в мае 1925 г. всесоюзного совещания юрисконсультов ВСНХ СССР. Это совещание, изучившее на практике хозорганов все последствия неправильной квалификации внутренних взаимоотношений синдикатов с его членами, осветило вопрос более полно и широко, но и это авторитетное совещание не внесло юридической ясности в существо синдикатско-трестовских отношений.

Перед совещанием стоял вопрос, как нужно юридически квалифицировать соглашения синдиката со входящими в него трестами по поводу реализации продукции, заготовок сырья и материалов, финансирования и вообще всяких операций, выполняемых в пределах тех целей и задач, для коих синдикат учрежден, и, в связи с этим, как нужно облагать эти операции всеми установленными законом налогами и сборами.

На этот вопрос совещание ответило туманной резолюцией о том, что существует организационное и экономическое единство синдиката и входящих в него трестов и что первый является лишь органом последних и, следовательно, весь внутрисиндикатский оборот, облагаемый однажды по трестам, должен быть освобожден от всяких налогов и сборов по синдикату.

Резолюция совещания содержит в себе два практические предложения:

«1) Признать, что синдикаты по существу своему являются и должны быть объединенными аппаратами трестов, ставящими себе целью сокращение накладных расходов по реализации продукции и заготовкам и удешевлению продукции. Поэтому, при передвижении ценностей от трестов к синдикату для реализации или обратно, товарная масса не должна подвергаться двойному обложению.

2) Признать, что синдикаты должны распределять как свою прибыль, так и свои убытки между входящими в них трестами. В соответствии с этим обложение прибылей синдицированной промышленности должно происходить с учетом убытков, если таковые понесены синдикатом»¹⁾.

Не отрицая экономической необходимости избежать двойного обложения продукции синдицированной промышленности, мы, однако, не можем не признать, что точка зрения совещания, отличающаяся крайним ригоризмом и максимализмом требований, формально не выдержана и практически невыполнима. Такая точка зрения совершенно игнорирует факт юридической обособленности синдиката от трестов, как самостоятельного юридического лица, а эта обособленность не может, конечно, не влечь за собой и фискальных последствий для синдиката в смысле индивидуализации его, как особого субъекта обложения. Тут аналогия с освобождением от обложения внутренних оборотов треста неуместна, так как трест в целом выступает во внешнем мире, как неделимое юридическое лицо, а синдикат существует юридически отдельно от трестов, и это обстоятельство никак не могут прикрыть всякие, лишние юридического значения, характеристики синдиката, как «организационное и экономическое единство», как «орган трестов», «продолжение трестов» и т. д.

Такую льготу наше законодательство в виде исключения допускает только в отношении кооперативных организаций, целью существования которых в конечном счете является не производство торговли ради сбыта (как синдикаты), а самообслуживание своих членов в целях потребления. Именно поэтому постановление ЦИК и СНК СССР от 7 дек. 1923 г. о льготах для кооперативных организаций по промысловому налогу и в его развитие инструкция НКФ от 28-го января 1924 г. (§ 16) содержат норму, в силу которой «при обложении уравнительным сбором кооперативных организаций из учета облагаемого их оборота исключаются суммы оборотов по торговым операциям (а также по оказанию услуг) их с союзами высшей и низшей степени и первичными кооперативами того же объединения кооперативных организаций (Центросоюз, Сельсоюз и т. д.)».

Но экономически едва ли возможно обосновать необходимость полного изъятия из системы налогового обложения той специфической торговой функции, какую исполняют синдикаты. Ведь не при помощи отдельных льгот и скрытых дотаций синдикаты должны рационализировать свой сбыт и удешевлять продукцию.

Конечно, неправильно рассматривать синдикатско-трестовские соглашения, совершаемые даже в форме купли-продажи, поставки и т. д., как соответствующие частно-правовые сделки, и облагать

их уравнительным сбором дважды—обороты трестов по передаче продукции синдикату для реализации и обороты синдиката по реализации той же продукции или, наоборот, по заготовкам сырья и материалов, идущих от синдиката к трестам. Такое противоположение синдиката и входящих в него трестов, как сепаратно хозяйствующих субъектов, облагаемых независимо от социальной природы их взаимоотношений, основано на антагонистическом принципе частного права, которому в данном случае не должно быть места.

Синдикатско-трестовские отношения должны быть обложены лишь в мере, соответствующей их социально-хозяйственной функции, которой должно быть найдено свое правовое и экономическое выражение. Все взаимоотношения синдиката с его членами, в пределах своих уставных целей и задач, без деления внутренних отношений на правовые и внеправовые (деление Наркомюста) и независимо от тех юридических форм, в которые эти отношения облагаются, имеют своим источником публично-правовое задание, определяющее как юридическую природу «внутрисиндикатских отношений», так и легальный титул их налогового обложения. Самым соответствующим социально-хозяйственной функции синдиката ее юридическим выражением является институт «синдикатской комиссии».

II.

Договор комиссии, который в частно-правовом обороте устанавливает совершенно определенные отношения между сторонами, значительно меняет свое лицо в отношении синдиката со своими членами. Договор комиссии всегда определяет на внутренней стороне императивную волю препоручителя и связанную с ней деятельность комиссионера, действующего обычно в пределах договоренности и императивности.

Договоры синдикатской комиссии обладают совсем особой природой в виду некоторых специфических методов непосредственной торговой деятельности, присущих синдикатам. Особенность методов их деятельности заключается в том, что эти хозяйственные организации в качестве комиссионеров лишь в самой незначительной степени действуют по директивам комитентов, воля коих для комиссионера вообще в остальных случаях обязательна.

Природа взаимоотношений между синдикатом и его членами по их торговой деятельности совершенно иная: интерес в современном быте товаров, завоз товаров с целью насыщения местных рынков и вообще рациональное ведение торговой политики, особенно политики цен, хотя бы в интересах членов, являются все же делом комиссионера, т. е. синдиката, а не комитентов.

Более того, синдикаты, заключая со своими трестами в пределах уставных целей договоры и сделки, независимо от их формы, всегда остаются в сфере исполнения своего основного договора с трестами, т. е. устава, который и является единственным источником полномочий, взаимных обязанностей и отношений. Эти отношения по существу всегда основаны на хозяйственном взаимодействии, на служебной роли синдиката, систематически исполняющего поручения своих членов. Тресты переносят на свой синдикат по всем своим

¹⁾ См. «Торгово-Промыш. газ.» от 31 мая 1925 г.

торговыми операциям с ним социально-хозяйственную функцию комиссионера, учрежденного для этой функции волей закона.

Благодаря этим особенностям, торговые сделки указанных участников оборота по покупке сырья и материалов или продаже готовой продукции экономически всегда будут комиссионными.

Действительно, основная сущность договоров частно-предпринимательского права сводится к тому, что интерес одной стороны противопоставляется интересу другой, что каждая из этих сторон стремится к получению в свою пользу выгодной конъюнктуры рынка, к извлечению максимальной прибыли за счет своего контрагента. Без этого предпринимательства нет экономической базы для подобных сделок. Но именно в торговых взаимоотношениях синдикатов со своими членами нет этого предпринимательства, нет прямого экономического противопоставления своих интересов интересам контрагентов, нет стремления к максимальной прибыли. Синдикат представляет собою целевое объединение, союз трестов, формально конструируемое, как самостоятельное юридическое лицо, с самостоятельной имущественной ответственностью, действующее на началах хозяйственного расчета, но основой их взаимоотношений является исполнение синдикатом поручений трестов, только в интересах последних, на началах оплаты стоимости организационных и накладных расходов с минимальной надбавкой. Подобные сделки, как по экономической природе своей, так и по существу вытекающих из них правоотношений, должны квалифицироваться, как комиссионные договоры.

Из этого основного соображения вытекает для договора «синдикатской комиссии» целый ряд юридических последствий, на которые нами уже было указано¹⁾.

В частности, для трактуемого нами теперь вопроса весьма важно отметить следующее:

1) Комиссионер частного права, который имеет свои полномочия всецело от доброй воли комитента, естественно должен быть ограничен императивными указаниями и интересами последнего, например, в выборе рынков для сбыта, назначении цены, форме комиссионного вознаграждения и т. д., так как в противном случае на стороне комиссионера возникает собственный интерес, который может расходиться с интересами комитента. Комиссионер публичного права, каким по существу является синдикат, строит свои взаимоотношения со своими членами не на антагонистическом капиталистическом принципе, не на извлечении прибыли, которая, в случае наличия, все равно переходит к трестам, а на идее обслуживания в интересах государственно-хозяйственной целесообразности. В виду этого синдикат может быть свободнее в выборе форм и условий сделок со своими членами, оставаясь в основном их легальным и генеральным комиссионером.

2) Комиссионер частного права и его поручитель противостоят друг другу, как свободные контрагенты, и поэтому последний имеет пра-

во, не навлекая на себя никаких санкций, взять обратно уже данные поручения или совершенно их не давать, если первый не обязал его на такой случай неустойкой или чем-нибудь другим. Отношения между синдикатом и входящими в его состав членами не являются отношениями «свободных контрагентов», ибо обязанность членов синдиката сдавать последнему для реализации определенной доли своей продукции и вступать с ним в те отношения, какие установлены корпоративными актами, являются существенными составными частями самого понятия членства. Состоя в синдикате, в организации строго целевой, каждый член его обязан исполнять постановления корпоративных органов, каковое исполнение стимулируется не договорными неустойками, едва ли допустимыми в отношениях синдиката со своими членами, но другими мерами внутрисиндикатского воздействия, обеспечивающими синдикату его место в товаропроводящей системе нашего народного хозяйства.

Таким образом, совокупность всех отмеченных нами черт и особенностей «внутрисиндикатских отношений» наглядно выявляет, если не всегда по форме, зато неизменно по существу, легальный, своеобразно-комиссионный характер этих отношений. Утверждая это, мы вовсе не думаем нивелировать во внутрисиндикатском обороте все формы сделок в сторону комиссионной унификации. Формально и во внутрисиндикатском обороте допустима, конечно, вся существующая классификация договоров и сделок с теми коррективами, какие вытекают из природы «внутрисиндикатских отношений», но материально, в отношении налогов и сборов, внутрисиндикатский оборот, независимо от юридической формы отдельных составляющих его отношений, должен законом трактоваться по существу его социально-хозяйственной роли, т. е. не как оборот товарно-торговый, а лишь комиссионный. Подобная и даже более радикальная привилегия, основанная на разуме внутренних отношений, допущена нашим законом (постан. ЦИК и СНК СССР от 7 дек. 1923 г. и инстр. НКФ от 28 янв. 1924 г.), как нами было указано выше, для кооперативных организаций в отношении промналога.

Отдавая скромную дань социально-коллективистическим идеям времени, все законодательства даже капиталистических стран, в том числе и русское дореволюционное право, при своем абсолютном товарном хозяйстве допускали все же формальное отступление для тех отношений, которые по существу своего социально-хозяйственного значения плохо укладываются в обычный товарооборот. Исходя из этого, все законодательства до настоящего времени исключают из сферы торгового оборота сделки на землю, хотя последняя в капиталистическом хозяйстве играет несомненную роль товара.

Некоторые коммерсалисты пытались преодолеть эту логическую невязку, но и они не могли скрыть внутренние противоречия. Так, Ван-дер-Боргт пишет: «Совершаемые в виде промысла дела с землями могут рассматриваться юридически, как торговые сделки, чтобы можно было применить к ним постановления торгового права,

¹⁾ См. статью М. Фрадкина «Некоторые особенности договора комиссии в нашем обороте» («Ежен. Сов. Юстиция» № 20 1925 г.).

но к торговле в народно-хозяйственном смысле эти дела не подходят»¹⁾).

Наше советское право, чуждое всякого формализма и защищающее материальный интерес исключительно по его социально-хозяйственному назначению, подавно не должно игнорировать корпоративную и своеобразно-комиссионную природу «внутрисиндикатских отношений», предоставив им, соответственно их роли в нашей системе госторговли, необходимые формальные и фискальные обременения.

III.

В последнее время наши законодательные органы стали на этот путь.

Работавшее при Комиссии Законодательных Предположений межуведомственное совещание, имевшее своим предметом рассмотрение и согласование проекта положения «о синдикатах и синдикатских конвенциях», постановило включить в него следующее: «Соглашения между правлением синдиката и его членами, основанные на уставе и постановлениях собраний уполномоченных, по предметам деятельности синдиката (ст. I), а равно все связанные с этими соглашениями документы, не подлежат нотариальному засвидетельствованию и изъются от обложения гербовым сбором».

Что касается промыслового налога, то в виду происшедшего пересмотра законодательными органами «временных правил обложения уравнильным сбором трестов и синдикатов» межуведомственное совещание при КЗП считало необходимым тот же принцип защищать при прохождении этих «правил».

В настоящее время Союзный Совнарком радикально изменил метод обложения уравнильным сбором трестов и синдикатов и несколько видоизменил в сторону вышеизложенного нами принципа понятие облагаемого оборота синдикатов.

Хотя эти «правила» в новой редакции СНК СССР в отношении обложения синдикатов не признали полностью принцип чистой комиссионности всех их сделок с трестами, тем не менее они в понятие синдикатского оборота включают лишь надбавку, сделанную синдикатом к суммам, уплаченным тресту при реализации его продукции, и, кроме того, снижают в 4 раза размер ставки уравнильного сбора с вознаграждения синдиката по комиссионным сделкам, объем которых значительно расширен против толкования НКФ в своем сводном циркуляре от 16 апр. 1924 г.

Как правильно пишет тов. Г. Постников:

«Вновь установленный порядок, намечающий, как правило, обложение синдикатов по их комис-

сионным операциям и лишь в виде исключения устанавливающий отличный порядок обложения сделок, произведенных за твердый счет, не дает никаких оснований для того ограничительного толкования понятия комиссионной сделки, которое имело место до настоящего времени, следствием чего явилось некоторое снижение обложения синдикатов»²⁾.

Эти законодательные предположения представляют собою значительный шаг вперед по выявлению роли внутренних отношений синдикатов со своими трестами, но полностью, однако, ее не выявляют.

Из нашей постановки вопроса о юридической квалификации «внутрисиндикатских отношений» логически вытекают три практических вывода:

1. Поскольку договоры и сделки, заключаемые синдикатом со своими членами, не выходят за пределы уставных целей синдиката («уставность» сделок является более надежным критерием, чем установления общих собраний членов, которые, во-первых, носят внутренний характер и, во-вторых, могут иногда противоречить уставным целям синдиката) и являются осуществлением его социально-хозяйственной функции, то все эти договоры и сделки, независимо от их формы, как основанные на утвержденном уставе синдиката, не должны подвергаться нотариальному засвидетельствованию.

2. Все указанные договоры и сделки должны в налоговом отношении квалифицироваться в строгом соответствии с социально-хозяйственной функцией синдиката, как квазикомиссионные, и облагаться уравнильным сбором не со всей суммы оборота синдиката, а лишь в части его, соответствующей среднему комиссионному проценту, установленному общим собранием членов.

3. Прибыль синдиката, как предназначенная к выдаче трестам, должна облагаться подоходным налогом не по синдикату, а по трестам, состоящим его членами, совместно с их собственной прибылью.

Последний вывод вытекает из права трестов быть облагаемыми по совокупности своих доходов, иначе может случиться, что трест сам по себе несет убытки и тем не менее платит подоходный налог по его части в дивиденде синдиката.

Все эти три предположения или, вернее, пожелания, вытекающие из нашего толкования юридической природы «внутрисиндикатских отношений», не являясь в настоящее время в полном виде нормами действующего права, должны, по нашему мнению, найти свою нормировку в соответствующих законодательных актах.

М. Фрадкин.

¹⁾ Вау-дэр-Боргт, Торговля, стр. 18.

²⁾ Г. Постников: «Новые правила обложения синдикатов», «Торгово-Промышленная газета» от 18 авг. 1925 г.

Дополнительная регистрация сведений об изменении содержания обязательств, основанных на зарегистрированных на бирже сделках.

Указанный в заголовке вопрос не получил прямого ответа в изданных до сего времени узаконениях и правилах. Между тем перед московской товарной биржей он ставился, в порядке просьбы о разъяснении, уже не раз; вполне вероятно, что и в практике других бирж он возникает часто, так как вызывающие его обстоятельства обычны в торговом обороте. Очень часто крупная торговая сделка осуществляется с пролонгацией сроков, изменением в условиях расчета и т. д. Должны ли эти изменения учитываться биржей и, если должны, то в каких случаях?

Регистрация сделок, как это ясно и правильно выражено в ст. 1-й инструкции по регистрации внебиржевых сделок (утв. 27/VII—24 г.), имеет своей целью «наиболее полное выявление торгового оборота и изучение условий товарного рынка». Цель эта с несомненностью равно присуща обоим видам регистрации (как биржевой, так и внебиржевой), охватывающим лишь соответственно различные сферы торговли. Можно без колебаний утверждать, что достижение ее, при игнорировании последовавших за заключением сделки изменений в содержании обязательства, едва ли возможно.

Изучаемый биржей товарооборот воплощен в сделках. Излишним было бы учитывать исполнение сделок, ибо сделки предполагаются исполняемыми. Неполное исполнение отдельных сделок сторонами является в обороте аномалией и в расчет не принимается¹). Совершенно иное мы имеем при изменении сторонами содержания установленных ими обязательств, во всяком обороте допустимом, являющемся следствием подвижности и изменчивости условий нашего товарооборота. Не учитывать его — значит не видеть действительного товарооборота, который складывается в своих элементах из действий по исполнению обязательств в их полном и конечном, в данном случае — измененном содержании. Последнее поэтому должно, давая правильную картину изучаемого биржей предмета, найти свое отражение в регистрационной книге, для чего стороны, заключившие дополнительную сделку, обязаны своевременно и в том же регистрационном порядке давать дополнительные сведения о совершенных ими изменениях.

Естественно, что обязанность указания содержания вносимых в обязательство изменений наступает только тогда, когда первоначальное обязательство не теряет при этом своего тождества, когда в своей юридической сущности оно остается тем же самым, хотя бы отдельные части его содержания и были изменены. Обратное этому бывает тогда, когда стороны сами выражают свое намерение прекратить действие обязательства, заменяемого ими новым (новация) или прекращаемого ими без последствий. В таких случаях прежнее обязательство прекращается, и сделка, его породившая, теряет свое действие. То же последствие имеют сделки, изменяющие

самую природу прежнего обязательства, заменяющие, например, поставку подрядом и т. д. Наконец, в некоторых случаях прекращение прежнего обязательства устанавливается по хозяйственному смыслу соглашения сторон. Такого, например, может быть положение в случае замены одного объекта сделки другим, резкого изменения ассортимента другим и т. д.

Во всех подобных случаях стороны должны сообщать лишь о прекращении или аннулировании ими обязательств. Что же касается обязательств новых, заменяющих прежние, то положение сделок, их основывающих, в вопросе о регистрации совершенно самостоятельно и определяется общими правилами. В частности, нет никаких препятствий, например, к тому, чтобы новизирующая сделка была зарегистрирована в ином порядке (если, конечно, она вообще подлежит биржевой регистрации), чем сделка, основывающая отмененное обязательство.

Несравненно чаще на практике изменения обязательств, не разрушающие тождества последних. Пролонгация сроков, изменение условий и порядка расчетов, места исполнения и т. д. являются обычными и распространенными тому примерами. Следует сказать, однако, что ни теоретически²), ни практически не оправдывается взгляд, будто эти изменения должны касаться лишь несущественных частей обязательства. Лучший пример — повышение сторонами цены, условленной в сделке. По своему хозяйственному значению такое изменение тождества сделки не нарушает³). Но и практически считать в этом случае прежнее обязательство аннулированным и замененным новым обязательством, подлежащим самостоятельной и отдельной регистрации, означало бы притти к самым безотрадным выводам. Достаточно подумать о тех сборах (в том числе и регистрационном), которые в этом случае вторично постигали бы сделку в размере ее первоначальной суммы! При частых изменениях (в частности, повышениях) цен в торговых обязательствах это привело бы почти к двойному налоговому обременению наших торговых операций. Кроме того, нецелесообразна была бы с точки зрения биржевого учета и возможность иного по сравнению с первоначальным порядка регистрации сделок.

Такой касающийся существенного элемента обязательства, но ни в какой мере не нарушающей его тождества, является сделка о количественном увеличении объекта обязательства (Erweiterungsvertrag). По ее хозяйственному смыслу такую дополнительную сделку всегда можно отличить от сделки самостоятельной, создающей новое обязательство, не связанное с прежним. Один из случаев упомянутой дополнительной сделки представляет собой часто встречаемый на практике так называемый «перепуск товара», при котором в процессе исполнения

¹ Неполное исполнение сделок имело, как аномалия, может быть предметом особого статистического учета и не должно влечь с этой точки зрения никаких последствий.

² См. в частности Ennecerus, L'obligation de la Bourse. Rechts. Bd. I. Abt. 2, § 265.

³ Ennecerus там же, примечание 4.

обязательства совершается передача большего количества товара, чем то, которое было установлено в первоначальной сделке. Здесь всегда, конечно, предполагается соответственное соглашение сторон, имеющее явно дополнительный основной сделке характер; последний и определяет дополнительный порядок регистрации сделки «переплюска».

Юридически иными, но приводящими к тем же последствиям при регистрации, являются сделки, заключенные на неопределенную или приблизительную сумму по мере ее выяснения в дальнейшем. Тут окончательное определение суммы сделки зависит от соглашений (а следовательно, от соответственных сделок) сторон; серьезное отличие этих соглашений от только что рассмотренных заключается, однако, в том, что они содержания обязательства не изменяют, а его определяют, выясняют. Дополнительное сообщение сведений о выяснившейся точной сумме таких сделок, как известно, предусмотрено инструкцией о регистрации внебиржевых сделок (примеч. к ст. 19).

Почти излишним кажется нам указание, что и сведения об уменьшении объекта сделок должны дополнительно сообщаться регистрирующему органу биржи.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к следующим практическим выводам:

1) Сведения о всех изменениях содержания обязательств, вытекающих из зарегистрированных на бирже сделок, должны в установленные для регистрации сроки сообщаться бирже в дополнение к регистрации первоначальной сделки.

2) В тех случаях, когда в силу юридического или хозяйственного значения заключенных сторонами новых сделок (в частности, в случае новации) действие обязательства, вытекающего из зарегистрированной на бирже сделки, прекращается, регистрирующему органу биржи должно быть дополнительно сообщено о факте прекращения сделки и указано его основание (новация, аннулирование, замена объекта, замена обязательством с иной юридической природой и т. д.).

3) В случае, если в порядке дополнительной регистрации сообщается об изменениях обязательства, связанных с увеличением суммы первоначальной сделки, разница подлежит оплате сборами по ставкам, определяемым по сумме измененного обязательства в целом.

Соответствующие этим выводам дополнения мы считали бы целесообразным ввести в действующие регистрационные правила.

М. Гурвич.

Психиатрическая экспертиза в современном суде.

Еще недавно, всего каких-либо 10—15 лет тому назад, психиатрам приходилось отвоевывать свои права экспертов на суде, обеспечивающие правильность заключения о душевном состоянии обвиняемого. «Врач-эксперт не свидетель,—говорит проф. Сербский,—он и не помощник или простое орудие судьи; он—самостоятельный судья научных фактов». А для установления научных фактов нужна известная обстановка, нужны известные условия. Вряд ли мыслима работа химика без лаборатории с водой, газом, необходимыми реактивами и инструментарием. Принято почему-то думать, что для научной работы психиатра на суде не требуется никаких особых условий. А между тем, я думаю, для всех ясно, что объект психиатрического исследования, человеческая личность, гораздо сложнее любого сложного химического соединения.

Впервые вопрос об урегулировании процесса и условий медицинской и, в частности, психиатрической экспертизы у следователя и на суде был поднят в 1893 г. на V Пироговском съезде. В своей резолюции съезд указывал, что суд в случае психиатрической экспертизы должен обращаться именно к врачам-психиатрам, что эксперту должно быть предоставлено право знакомиться с обстоятельствами дела, что ему должно быть предоставлено право присутствовать на суде и допрашивать свидетелей, что экспертам должно быть предоставлено право совещаться и после этого давать заключение совместно и т. д.

Очевидно, что положения этой резолюции остались только пожеланиями, так как в 1905 г. на II съезде отечественных психиатров в Киеве проф. Сербский и д-р Грейденберг повторили требование

об осуществлении этих положений. Очевидно, и то, что и в дальнейшем только часть этих пожеланий была проведена в жизнь, так как уже в 1915 г. д-р Грейденберг жалуется на неудовлетворительность постановки судебно-психиатрической экспертизы, на широкий простор личному усмотрению, т. е. произволу представителей разных стадий судебной процедуры, благодаря или отсутствию, или недостаточности и неясности законодательных формулировок об экспертизе. Попрежнему следовательно мог ознакомить или не ознакомить с делом подэкспертного, попрежнему суд мог оставить или не оставить в заседании экспертов, попрежнему эксперт не имел права опрашивать непосредственно свидетелей, но должен был задавать вопросы через председателя суда, но мало того: и об этом ограниченном праве эксперту приходилось напоминать судье, попрежнему не было обязательно письменное или мотивированное заключение экспертов, попрежнему не обязательно ознакомление врача с делом при отправке на испытание в больницу, исключение делалось только для окружных, казенных больниц; и, наконец, что было самым курьезным, это то, что для решения психиатрических вопросов в суд и к следователю врачебное управление направляло не психиатра, а судебного врача, ибо правительство, очевидно, не доверяло земским и городским психиатрам. Правда, сама жизнь суда уже в те времена создавала свою практику, устраняющую указанные мною препятствия для правильной научной постановки психиатрической экспертизы. Однако, именно недостаточность законодательных формулировок делала непрочной эту практику, и там, где экспертиза не совпадала с мнением и целями суда, суд ущемлял

экспертов и обнаруживал полный произвол в отношении психиатрической экспертизы.

Революция в отношении психиатрической экспертизы установила помимо писанного закона свою практику, соответствующую духу советского законодательства и общей политике Рабоче-Крестьянского Правительства. И я думаю, что в рамках этой практики психиатрическая экспертиза, как научное исследование психического состояния испытуемого, протекает теперь нормально. Суд и следователь обычно предоставляют психиатру все условия для правильности работы, и, я полагаю, эксперт-психиатр никогда не пользовался таким вниманием суда, как теперь в советском суде. Об этом свидетельствует отсутствие жалоб на условия работы в суде со стороны экспертов, и даже, наоборот, от многих психиатров мне приходилось слышать, что участие в судебно-психиатрической экспертизе доставляло им удовлетворение. И наш Уголовно-Процессуальный Кодекс оговаривает не только права следователя и суда, но и права эксперта, обязательные для правильности научного заключения его. Так, эксперт имеет право с разрешения следователя знакомиться с теми обстоятельствами дела, выяснение которых необходимо ему для заключения, но, мало того, он имеет право составить акт о недостаточности предоставленных ему следователем материалов и невозможности дать заключение (ст. 171). Далее, простого несогласия следователя с заключением экспертов недостаточно для производства новой экспертизы, но необходимо мотивированное постановление следователя о недостаточно ясной или неполной экспертизе (ст. 174). Обеспечивается правильность экспертизы и тем, что во всех случаях, где требуется медицинская экспертиза, так же, как и в случаях несогласия с медицинской экспертизой, судебно-медицинский эксперт приглашается через губернские отделы здравоохранения, которые имеют, благодаря революции, своих губернских психиатров, и, таким образом, суд и следователь получают для экспертизы соответствующего специалиста (ст.ст. 193, 174 и 300). Правда, очень редко, но все-таки судебные врачи как-то попадают на суд и к следователю для участия в психиатрической экспертизе. Конечно, это совершенно недопустимо, ибо психиатрия—очень узкая специальность, в большинстве мало знакомая или почти незнакомая врачам не психиатрам, и потому я полагал бы необходимым в ст. 196, говорящей о производстве психиатрической экспертизы, заменить слово «врач-эксперт» словом «врач-психиатр».

Я не стану задерживаться на всех моментах, предусмотренных и не предусмотренных нашими кодексами, но остановлюсь только на трех, имеющих, по моему убеждению, основное значение. Это, во-первых, порядок собирания сведений о прошлом подозреваемого в душевной болезни обвиняемого, во-вторых, порядок направления на испытание и, в-третьих, право эксперта задавать вопросы непосредственно свидетелям.

Ст. 196 УПК говорит, что следователь обязан собрать сведения, необходимые для суждения о психическом состоянии обвиняемого, путем освидетельствования обвиняемого врачом-экспертом, а также путем опроса обвиняемого, его близких и других лиц. Опрос близких и других лиц в целях установления душевной болезни у обвиняемого называется

на психиатрическом языке собиранием объективного анамнеза, собиранием сведений о прошлом, о родственниках больного, о развитии настоящего заболевания у него. Это дело, требующее общемедицинской и психиатрической подготовки. Часто родственники больного на прямой вопрос, был ли у больного или у родителей его сифилис или нет, ответить не могут или не хотят. Но окольными вопросами, связанными с характером лечения (лечение уколами, иодистое лечение, вливание салварсана), с характером поведения в это время больного (завел отдельную посуду, не ходил в общую баню и т. д.) можно выяснить наличие перенесенного заболевания. То же следует сказать и про выяснение существования в анамнезе других болезней. Сплошь и рядом вовсе не знают, какой тиф перенесен, по распросу врача, восстанавливающей клиническую картину болезни, позволяет поставить врачу диагноз этой болезни в прошлом. Это относится еще в большей степени к выяснению психических расстройств у испытуемого в прошлом. Словом, собирание анамнеза—это дело техническое, требующее специальных знаний и умения вести распрос, отсюда совершенно ясно, что никакой план, хотя бы и составленный Наркомздравом, не может выручить следователя в этой специальной технической работе собирания анамнеза. Эту работу ст. 196 возлагает на следователя, и НКЮ думает помочь в этом деле следователю, давая в циркуляре от 21/V 1924 г. перечень медицинских вопросов, выработанных Наркомздравом. Опрос близких и других лиц в целях выяснения психического состояния обвиняемого, как дело, требующее специальных знаний и технических приемов, должен производиться врачом-психиатром. Высказанные соображения позволяют мне думать, что законом должно быть оговорено право психиатра непосредственно допрашивать свидетелей и родственников испытуемого на суде.

Уголовно-Процессуальный Кодекс обходит этот вопрос молчанием; фактически же это, как правило, осуществляется судами. Замечательно, что более поздний по выходу в свет Гражданский Процессуальный Кодекс в ст. 156 категорически утверждает это право экспертов. Опрос близких и других лиц в целях выяснения психического состояния не следователем, а врачом-психиатром, осуществляется в огромном большинстве случаев еще другим путем: большая часть лиц, вызывающих сомнение в душевном здоровье, отправляется судами и следователями на испытание в психиатрические больницы, где врач собирает у близких или родных испытуемого его объективный анамнез. Я бы вообще считал идеальным такой порядок производства психиатрической экспертизы, при котором каждый обвиняемый, вызывающий сомнение в своем психическом здоровье, проходил бы испытание в больнице. Мы, психиатры, считаем для себя самым трудным и часто почти неразрешимым делом признание душевного здоровья у исследуемого лица и особенно на основании однократного исследования, так как мы знаем не только притворное помешательство душевно-здорового, но и притворное душевное здоровье у душевно-больных, так называемая диссимуляцию душевной болезни. А между тем при судебно-психиатрической экспертизе речь нередко идет о даче заключения в смысле утверждения душевного здоровья у подэкспертного. Понятно, что лучшей гарантией правильности такого

заклучения может быть испытание в психиатрической больнице, и чем шире оно практикуется, как это принято у нас в Москве, тем больше мы приближаемся к идеальным условиям экспертной работы и страхуем себя в отношении возможных тут розовых ошибок.

Однако, все эти внешние условия, эта лабораторная обстановка работы, вовсе еще не обязательно определяют правильность судебно-психиатрического заключения, но важен и самый внутренний подход психиатра к разрешению вопроса о душевном состоянии обвиняемого.

Существуют два крайние типа подхода у врачей к подэкспертному. Первый, когда врач принимает на себя функции защиты обвиняемого, и второй, по выражению Бумке, «тип врача-чиновника, напоминая прокурора из юмористических журналов, который подозревает в каждом ненормальном психическом явлении плутни симулянта и признаки особой моральной испорченности». Второй тип у нас теперь редко встречается, так как такой подход больше был свойственен прежним, не разбиравшимся в психиатрических вопросах, полицейским (или судебным) врачам, которые теперь, как исключение, фигурируют на суде и у следователя в качестве экспертов-психиатров. Что касается самого вопроса симуляции, то значение ее преувеличивается, а наше психиатрическое отношение к ней таково: симуляция существует, но встречается по большей части у психопатов и является выражением их большого характера, склонного ко лжи, обману и притворству. Мало того, оно часто сплетается в одно с бессознательными, инстинктивными или истерическими чертами поведения. Таким образом, симуляция в изолированном виде не имеет для нас какого-нибудь специального судебно-психиатрического значения.

Первый же тип подхода, тип защиты, свойственен именно психиатрам и вызывается, по моему убеждению, самим вопросом о вменяемости, который, несмотря на отсутствие его в 17 ст. Уг. К., постоянно задается эксперту и следователем, и судом и который по своему существу совершенно не совпадает с натуралистическим пониманием психиатром всякого человеческого поведения.

Вменяемость связана с понятием моральной вины и признанием свободного волеопределения человеком своих поступков, ибо вменяемость человека по самому современному определению проф. Жижиленко

«это способность сознавать то, что он делает, и руководиться сознанным». «Вменяемость и виновность представляют собой корень наказуемости,—говорит Принс,—а идея наказания неразрывно связана с идеей вменяемости и вины». Смысл же наказания, который вложен в последнее классической школой уголовного права и от которого трудно отрешиться, это возмездие и искупление вины. Вся эта концепция вменяемости, виновности и наказания в корне чужда детерминистическому толкованию человеческого поведения нашей наукой, психиатрией. Для нас, психиатров, нет вменяемых людей и, я думаю, каждый из психиатров обеими руками подпишет под следующими словами бельгийского проф. Принса¹⁾, одного из основателей социологической школы уголовного права. «Не подлежит спору, что для классической школы существует очень простой способ поставить вопрос таким образом: человека наказывают только тогда, когда он сделал именно то, что хотел сделать, когда знал, что делал, и когда действие вполне сознательно. Но за этой очень простой проблемой является другая столь многосложная, что если бы судья действительно постарался пропикнуть во все ее тайники и подумать о том, насколько серьезные и неясные понятия заключает в себе слово «вменяемость», он не осмелился бы более судить своих ближних и меч правосудия выпал бы из его рук. Вот в чем заключается эта проблема: то, что я хочу или не хочу сделать, зависит от моего характера, а мой характер зависит от обстоятельств, на которые я не имею воздействия; характер находится, особенно в стадии начального своего образования, под действием факторов, которыми я не могу располагать...»

Никто из нас не может с точностью определить, в какой момент и по какой причине неопределенные свойства характера, искавшие выхода по тем тропинкам, которые бороздят во всех направлениях бесконечный нравственный мир, направились к добру или злу...

Существо порочное не стремилось родиться таковым, оно не выбирало себе ни организма, ни среды ни врожденных недостатков».

Е. Краснушкин.

(Продолжение следует).

Работа на деревню.

(Демобилизация и призыв).

Циркуляром НКЮ от 24-го июня с. г. № 123 совершенно своевременно обращено внимание общей прокуратуры (как военной, так и гражданской) на теснейшее их взаимодействие в области обслуживания армии. Этот циркуляр, указывающий на основные конкретные моменты увязки, издан не только потому, что органы военно-прокурорского надзора зачастую не могут регулярно обслуживать части, расположенные вне местонахождения их камер, но и потому, что, в порядке прохождения военной учебы, гражданин, гото-

вящийся стать гражданином-воином, проходит ее вне армии (допризывная подготовка) и переменной-термеец вне сборов (период между сборами).

До сих пор на эту часть работы прокурорским надзором не обращалось достаточно внимания, между тем, как с точки зрения проведения общего и судебного надзора, эта работа не должна была ускользать из сферы внимания прокуратуры.

¹⁾ Проф. Ад. Принс. Защита общества и преступление в уголовном праве.

Второй циркуляр НКЮ от 7-го июля с. г. № 138 подтверждает то обстоятельство, что судебный надзор у прокуратуры должен быть усилен особенно в отношении наблюдения за приговорами нарсудов.

Эта увязка приобретает огромное значение в настоящий важнейший период для Красной Армии, когда она демобилизует из своих рядов красноармейцев, возвращая их в деревню, и готовится вобрать в свои ряды новую смену рабоче-крестьянской молодежи.

Начнем с демобилизации из армий и тех задач, которые стоят перед единым прокурорским надзором в связи с демобилизацией.

Исходным пунктом мы здесь имеем приказы РВС СССР от 1-го августа с. г. № 809 (о демобилизации) и № 476 (о снабжении вещимуществом отпускников), директиву Главного Управления РККА № 75873/с. (очередь отпусков) и циркуляр Начснаба РККА от 17 июля с. г. (о снабжении отпускников вещдоловствием).

Увольнение в бессрочный отпуск начнется на территории Союза 10-го сентября и закончится к 15-му декабря с. г. Оно будет производиться в 3 срока (не позже 1-го октября, не позже 1-го декабря и не позже 16-го декабря), при чем в целом оно будет касаться красноармейцев 1902 года рождения со сроками службы, указанными в приказе РВС № 415 с. г., т. е. числящимися с 1-го мая и 1-го ноября 1923 г. и с 1-го мая 1924 г. Мы лишены здесь возможности подробно перечислить контингент родов войск, входящих в эти три очереди, так как директива носит секретный характер, но на местах у военных органов она уже имеется.

В каком же направлении должна быть организована работа прокуратур в период демобилизации? Прежде всего нужно помнить, что на все сто процентов работа прокуратуры среди отпускников является работой на деревню, так как отпускник, придя домой, должен явиться ценнейшим работником низового советского аппарата, культурником в области сельского хозяйства и проводником революционной законности в деревне. Работа прокуратуры должна быть построена по следующим направлениям: а) правовая пропаганда среди отпускников (непосредственная—в форме докладов и консультаций и посредственная—путем печати, составления отделов о законности в памятках и т. д.); б) в разъяснении причин postponения увольнения отпускников; в) проверка исполнения законоположений о снабжении отпускников обмундированием (полагается обмундирование второго срока) и кормовыми деньгами на путь следования от части до деревни (полагается 25 коп. в сутки); г) чтобы судебные дела в отношении предназначенных к отпуску были бы заслушаны и д) чтобы увольнение производилось по месту призыва отпускника, в исключительных случаях по избираемому им месту жительства, с ограничением в отношении избирания мест, пораженных безработицей (Москва, Ленинград, Владивосток, Закавказье и Туркестан), см. и. П. прик. РВС № 809.

Мы полагаем, что эту подготовительную работу целиком, (даже в частях, расположенных вне места ее пребывания, кроме уездвоенкоматов) может про-

вести военная прокуратура. К обязанностям гражданской прокуратуры должно быть отнесено дальнейшее обеспечение законности в отношении отпускников, прибывших в город или деревню, при чем в этой области особое внимание должно быть уделено на предоставление отпускникам льгот по с.-х. налогу (эта льгота сохраняется полностью, согласно ст. 34 положения о сел.-хоз. налоге), на предоставление им прав по поступлению на государственную и общественную службу и т. д.

Такова общая схема в области проведения работы прокуратуры по демобилизации.

Теперь перейдем к призыву. Здесь работа несколько сложнее вследствие того, что в ней особенно выделяется подготовительный этап—предоставление призывникам льгот по семейно-имущественному положению, врачебный и политический отбор призывников.

Прежде всего перечислим основные постановления и приказы, относящиеся к призыву. Они следующие: приказы РВС Союза ССР от 3-го августа с. г. № 810 (порядок призыва, категории и ответственность за неявку); от 22-го июня с. г. № 751 (порядок удовлетворения продовольствием и обмундированием); циркуляры Наркомвоенмора № 71 и № 102 от 31-го июля (о гражданах рождения 1903 года, уже находящихся в войсках); закон о льготах по семейно-имущественному положению, изданный Центральным Исполнительным Комитетом СССР 1925 г., (в отличие от прошлого он устанавливает 3 разряда льгот); инструкция по отбору граждан, зачисляемых в тыловое ополчение, утвержденная Предреввоенсовета 9-го июля 1925 г. (секретная) и постановление СТО о призывных комиссиях от 1-го июля 1925 г. Наконец, имеются директивные указания окружных санитарных управлений о порядке работы врачебных комиссий (по моск. воен. окр. от 24-го июля с. г. за № 17176).

Прежде всего остановимся на общих положениях призыва. Кто призывается и на какой срок? Призываются граждане 1903 года рождения, коим к январю 1925 г. исполнилось 21 год. Призыв начинается с 1-го октября и заканчивается 1-го ноября с. г. Одновременно с общим призывом граждан 1903 г. будут призываться учащиеся, родившиеся в 1901—1902 г. г., окончившие в этом году учебные заведения и пользовавшиеся отсрочкой до окончания обучения.

Для того, чтобы определить важнейшие области, куда должно быть направлено внимание прокурорского надзора, необходимо учесть главные недочеты прошлого призыва. Недочеты в призыве 1902 г. были следующие: во-первых, несмотря на то, что мы призываем около 25% от общего количества призывного контингента, в прошлом году, в армию попали граждане слабые физически, а иногда с ярко выраженными физическими недостатками; во-вторых, при рассмотрении ходатайств о льготах по семейно-имущественному положению в прошлом году население и даже низовые органы власти не были ознакомлены с законом о льготах, не знали техники их предоставления, и поэтому значительному количеству граждан льготы не были предоставлены. Это создало законное недовольство у призывников, когда они, уже придя в армию, узнали о льготах, а в целом это внесло перебои в первые

периоды учебы; в-третьих, на местах работа призывных комиссий (в настоящее время по одной на уезд) проходила в тяжелых объективных условиях (необорудованные помещения, отсутствие инструментов для осмотра, большой пропуск призывников, доходящий до 300 человек в день (были случаи и взяточничества); в-четвертых, были в поведении призывников пережитки старины, когда призыв в народе характеризовался «бритьем дба», и когда призывники, усвоившие рекрутские традиции старого времени, в «последний поешный денечек» устраивали гулянки с дебошами; в-пятых, в прошлом призыве недостаточное внимание было обращено комиссиями при укомплектовании на отбор в команды обслуживания классово-чуждого нам элемента. Теперь команд обслуживания нет, но есть тыловое ополчение, куда и отбирается классово-чуждый нам элемент в соответствии ст. «г» и «д» ст. 65 Конституции РСФСР. Вот те недочеты, которые мы должны изжить. Вот те пункты, куда в период подготовки призыва должно быть устремлено внимание прокурорского надзора.

Что же относится в этой работе к военной прокуратуре и что к гражданской? По какой линии должна идти увязка в работе по обслуживанию призыва?

Прежде всего к прямой обязанности военной прокуратуры должно относиться своевременное информирование губпрокуратор о всех положениях, коим регулируется призыв (это относится и к демобилизации). Вместе с этим чрезвычайно полезно после письменной информации, инициативой губпрокуратуры, созвать совещание с участием соответствующих военных прокуроров, при чем основной задачей этого совещания должно быть распределение участков, кои будут обслуживаться губпрокуратурой и военной прокуратурой и проведение распределения работы в области общего надзора. Поскольку ответственность за неявку к призыву квалифицируется по ст. 81 У. К., судебный надзор целиком должен быть отнесен к участковым помгубпрокурора.

К уездным прокуратурам и губпрокуратурам должна быть отнесена целиком работа по обеспечению законности той стадии, когда призывник идет в армию (призывные комиссии, предоставление льгот, инструктирование милиции по наблюдению за порядком на пунктах скопления призываемых и отбор в тыловые ополчения); к военной прокуратуре должно быть отнесено обслуживание призывника в самой части (готовность части к приему призываемых, рассмотрение жалоб на злоупотребления, снабжение положенным). Конечно, это не исключает возможности, в районе пребывания военной прокуратуры, разделения работы по обслуживанию призыва с гражданской прокуратурой, но все же вряд ли военный прокурор и его помощник (иногда на две губернии) смогут целиком охватить важнейшие узлы работы от волости до части. Совершенно ясно, что здесь не следует увлекаться желанием все охватить (например, осмотреть все призывные пункты, побывать во всех призывных комиссиях), нужно использовать выборочный способ проверки некоторых пунктов, некоторых призывных комиссий. Затем необходимо по окончании работы договориться с губпрокурорами о получении информации о проделанном.

В период призыва и увольнения из армии проводится теснейшая смычка армии с крестьянством. В деревню выпускаются не только бойцы прошедшие военную подготовку, но и граждане, прошедшие большую школу испытания. Вот почему прокурорский надзор здесь, где увязывается основная политика нашей партии, где аппараты, обслуживающие призыв и демобилизацию, должны действительно стоять лицом к деревне, должен особенное внимание уделить обслуживанию этого периода. Эта задача может быть выполнена только тогда, когда единый прокурорский надзор будет проводить ее единым согласованным планом.

С. Орловский.

О приближении судорганов к населению.

Лозунг «лицом к деревне» выдвинул для всех государственных учреждений и должностных лиц, в том числе для губернских и народных судов, следователей и органов, исполняющих судебные решения, задачу приспособления своего аппарата во всех отраслях работы для наиболее целесообразного обслуживания нужд деревни. Но какому же направлению должно идти это приспособление аппаратов и не имеется ли каких-либо дефектов в деятельности означенных органов, на устранение коих уже в настоящее время и в первую голову следует обратить внимание?

Ответить на эти вопросы постараемся мы в настоящей статье, используя материал только что произведенных ревизий судучреждений Тульской, Курской, Орловской и Калужской губерний.

Работу каждого судоргана мы рассматриваем здесь с трех точек зрения: насколько суд территориально близок к населению, насколько суд доступен для населения и на-

сколько должностное лицо, возглавляющее аппарат, имеет авторитет в среде сельского населения, которое им обслуживается.

О территориальной близости народных судов.

Что касается народных судов, то во всех обследованных губерниях за некоторым исключением один участок народного суда приходится на одну укрупненную волость, причем радиус расстояния от камеры до границ участка болшею частью не превышает 30—35 верст. Только в Калужской губернии один участок народного суда приходится на две волости.

Но выезды на места народных судов совершают редко, имея неверный взгляд, что выездные сессии имеют целью устройство показательных процессов или проведение ударных кампаний среди широких масс деревни, а не приближение суда к населению. Поэтому они выезжают только по делам особой важности, а так как таких дел в производстве

народного суда возникает очень мало, то и выездные сессии бывают чрезвычайно редко, и все заседания происходят в камере парсуда.

Нельзя сказать, чтобы выезды на места не устраивались из-за отсутствия перевозочных средств. Денег на путевые расходы отпускается, правда, недостаточное количество, однако, при беседе с председателями ВИК'ов, последние почти все время выражали готовность предоставлять парсудам перевозочные средства, в том случае, если выезды их будут носить регулярный характер, кроме того указывали на возможность использовать так называемые «сельские пункты» для перевозки должностных лиц. Да и самые парсуды, за редкими исключениями являющиеся членами ВИК'ов, не отрицали, что лошадей они достанут.

На местах нам иногда возражали, что выезды на места внесут медленность в работу суда в виду того, что понадобится время на дорогу. Однако, подобное возражение не выдерживает критики, наоборот, при выездах сократится число дел, откладываемых за неимкой вызываемых лиц, так как, во-первых, последние охотнее будут являться, а, во-вторых, всякое невручение повестки легко может быть исправлено путем извещения через сельских исполнителей во время заслушивания других дел. Приходилось слышать противоположные замечания, что некоторые парсуды (например, 5 уч. Ливенск. у.) разгрузились благодаря этим сессиям, а также, что при явке почти на 100% вызываемых лиц парсуды успевают разбирать назначенные к слушанию дела.

Итак, первым наиболее простым способом приспособления аппарата народного суда является наиболее удобная организация судебных заседаний в местностях, ближайшей к месту проживания большинства вызываемых лиц. Для этого надлежит установить сначала географические пункты выездов, сообразуясь с числом обычно возникающих в окружающей этот пункт местности дел, а затем определить месячные дни месяца, в которые будут выезды, также сообразуясь с числом дел, обычно возникающих в окружающей местности, на какие-либо дни и назначать поступающие дела.

Считая, что без участия партийных, советских и профессиональных организаций и самого населения, выездные сессии в данный момент не могут быть частыми по материальным причинам, надлежит провести по этому поводу широкую кампанию во всех организациях, начиная с губернской и кончая сельской.

Помимо указанного выше дефекта в отношении приближения суда к населению, нам пришлось столкнуться со следующими двумя неудобствами: 1) поздним началом судебных заседаний—не ранее 11, а большей частью в 12 часов дня и 2) с определением срока явки вызываемых по всем, нередко 12 делам лиц в 9 часов, вследствие чего происходит напрасная потеря дорогого для крестьянина рабочего времени на ожидание судебного заседания, на которое он вызывается.

С этими недостатками губернским судам также надлежит вести решительную борьбу, наблюдая за исполнением циркуляра НКЮ № 33—22 г., который предлагает разбивать дела при назначении на группы по несколько дел на определенный час и указывать этот час на повестках вызываемым лицам.

Позднее начало судебного заседания обычно объясняется тем, что «отечественные» (так называют народных заседателей) не являются. А не являются они потому, что труд их почти нигде не оплачивается или в виду неассигнования средств, или в виду того, что ассигнованные деньги судом тратились на закупку литературы, или же в виду того, что за день-

гами предлагают народным заседателям-крестьянину обратиться в губернский суд, чего он, конечно, делать не будет и из-за отдаленности и за незначительностью вознаграждения (20—30 коп. в день). Вопрос о снабжении народных заседателей в тех губерниях, где ассигнуются определенные суммы, имея в виду, что как бы незначительными ни казались эти суммы, для крестьянина в настоящий момент все же они не лишены значения.

О волоките.

Однако, на исходах граждан нам приходилось слышать также заявления, что нет особой выгоды от близости суда, если дела тянутся по году.

Действительно, наблюдение показало, что народные суды нередко не избавлены от волокиты, что во многих народных судах встречается некоторое количество дел, находящихся без движения более или менее продолжительное время. Это соответствует и статистическим данным о движении дел, ибо только народные суды Калужской губернии в прошлом году справились с нагрузкой, а в остальных образовалось накопление дел, незаконченных производством.

Относительно медленности и методов ее изжития уже отмечалось в «Еж. Сов. Юст.» (№ 14, стр. 369). Следует остановиться на медленности по гражданским делам. Причиной ее происходит из-за недостаточного усвоения народными судьями ст. ст. 98, 100, 25 и прим., 26, 72 и 74 ГПК, дающих возможность разрешать дела в отсутствие и даже при неизвестности местопребывания сторон. В особенности это имеет значение по алиментным делам, иногда оставленным ответчика, несмотря на то, что в месте проживания истицы имеется имущество, принадлежащее ответчику, к которому на основании 26 ст. и примечания к 25 ст. ГПК и следовало бы предъявить иск.

Но волокита наблюдается часто не только при разрешении дел в народном суде, волокита начинается тогда, когда дело направляется в порядке обжалования в губернский суд. Некоторыми судами практикуется направление всех дел в губернский суд не непосредственно от себя, а через уполномоченного. И вот, если посмотреть на сроки движения жалоб к делом, то увидишь, что первоначально делом выдерживается изрядное количество времени в народном суде. Срок этот должен простираться до бесконечности, ибо в одном из парсудов Орловской губернии среди архивных дел найдены жалобы к делам, поступившими два года тому назад. Уполномоченный, получив дело парсуда, не сразу отправляет его, а дожидается количества, достаточного для того, чтобы составить посылку, которую и представляет в губсуд, иногда спустя 20—30 дней, после поступления к нему дел от парсуда.

Аналогичное явление происходит и в губсуде. Так, в Курском суде законченное уже дело дожидается в регистратуре дней по 20, чтобы быть запечатанным в посылку и отправленным к уполномоченному, который с такой же быстротой и тем же способом пересылает в парсуд. В результате дело совершает оборот дней в 150. В одном из сел Курской губернии к нам обратилась женщина, истица по алиментному делу, которая так и не могла дождаться своего дела, ибо из губсуда оно значится отосланным, а канцелярия уполномоченного ей отвечает, что дела не имеет. Однако, на наше требование секретарь это дело нам показал, оно оказалось ждущим своего направления уже несколько недель.

Губернскому суду, как контролирующему органу, надлежит пользоваться всяким случаем нахождения у него

дела, а равно и при ревизиях для наблюдения за его движением, выясняя и устраняя случаи несвоевременного направления дел. Необходимо устранять еще вот какие явления: иногда расстояние между городами два-три часа пути, а почта идет две недели. С этим явлением нужно бороться самым энергичным образом, путем жалоб в почтовый округ, прокурору и т. д. Это есть обязанность губсуда и уполномоченного, которые должны неуклонно наблюдать за приближением суда к населению.

Следует еще остановиться на способе устранения указанного выше явления—нахождения дел с жалобами среди архивных дел. Это улучшение не было установлено ни при ревизии губсуда, ни при двух передачах участков марсуда, так как дела эти значились по настольным и исходящим реестрам отосланными в губсуд, а дела передавались при сдаче участков не по настольным реестрам, а по наличию.

Мы считаем, что с указанным явлением, встреченным нами, кстати сказать, только в одном марсуде из всех обследованных нами губерний, надлежит бороться, во-первых, на ревизиях путем проверки наличия дел, а, во-вторых, при сдаче участков путем тщательного составления приемосдаточных ведомостей, в которых помещать также и дела отсутствующие, отмечая время их пересылки, чтобы губсуд имел возможность хоть на выдержку проверить эти сведения. Но и вообще сдача и прием участка марсуда, когда судья принимающий старается освободиться от нареканий за упущения по работе своего предшественника, по нашему мнению, есть такой фактор, который может быть использован губсудом в качестве способа проверки работы марсуда на ряду с ревизиями. Следует только надлежащим образом разработать форму приемосдаточной ведомости.

О доступности суда населению.

В этом отношении на первом плане стоит дороговизна судебных сборов, которые взимаются марсудьями свыше требуемых законом.

Так, например, в Орловской губернии наблюдались случаи оставления заявлений без движения за непредставлением сборов в пользу деткомиссии, в Калужской за каждую повестку, посылаемую обычным путем через милицию или с рассылным, взимается плата в размерах, установленных для судебной-казачьих писем, в Тульской приносят в пользу марсудателей (нужно вообразить настроение подписывающего такое решение народного заседателя, которому ничего не платится!) расходы по производству дела (неведомо какие). Встречается взывание сборов по искам о заработной плате. Губернскому суду надлежит обратить на устранение этого явления особое внимание, так как при бедности нашего крестьянина взимание с него каждой лишней копейки тяжело отражается на его бюджете и делает суд для него малодоступным.

Об юридической помощи.

В тесной связи с указанными явлениями стоит вопрос об оказании юридической помощи сельскому населению. Нужно прямо сказать, что в большинстве селений, в которых находятся наши суды, члены коллегии защитников не проживают и не будут проживать долгое время.

При обследовании вопроса об оказании юридической помощи в деревне, необходимо отметить следующие явления:

1) что прием устных заявлений в порядке ст. 77 ГПК и 92 ст. УПК ни в одной из обследованных губерний не производится, за исключениями настолько редкими, что о них

и упоминать не приходится. Между тем, в тех местностях, где нет ни члена коллегии защитников, ни консультации при избе-читальне, отсутствие указанного способа возбуждения дел приводит к тому, что крестьянин в силу необходимости должен обратиться к подпольному адвокату;

2) что организация юридической консультации при избе-читальнях повсюду находится в зачаточном состоянии. Причиной этого обстоятельства является, с одной стороны, недостаточная подготовленность избачей для этой работы—там, где в составе этих консультаций находятся учителя, работа идет лучше,—отчасти недостаток юридической литературы, отчасти недостаток внимания со стороны местных работников;

3) что касается коллегии защитников, то ее работа по оказанию юридической помощи деревенскому населению протекает в двух формах: 1) в форме посещения консультаций при сельских народных судах в заранее назначенный день. Так, в Тульской губернии в сельском марсуде мы видели объявление, что консультация открыта два раза в неделю по определенным дням. Однако, за отсутствием перевозочных средств членами коллегии защитников посещение консультаций производится раз или два в месяц и нерегулярно, а потому является почти бесполезным, так как население неизвестно время пребывания члена коллегии защитников, и 2) в форме выездов в заранее назначенные дни с предварительным оповещением населения члена коллегии защитников, который проживает в селении несколько дней (от 3 до 7), проводит ряд лекций, бесед с гражданами, дает советы, выступает в народном суде по делам с защитой по назначению, а главное, инструктирует ячейку по оказанию юридической помощи при избе-читальне. При посещении одного-двух сельских народных судов Курской губернии установлено, что подобные посещения членов коллегии защитников безусловно приносят пользу населению. Эта последняя форма оказания юридической помощи имеет еще то значение, что получается надлежащая информация президиума коллегии защитников о возможности постоянного посещения в данной местности члена коллегии защитников, что имеет в настоящее время постепенного расширения подсудности марсудов—особенное значение.

О приближении к населению народных следователей.

Переходя к работе марсудов, следует остановиться на том обстоятельстве, что еще во многих уездах канцелярии участков народных следователей сосредоточены в городах вдали от центров участков и при невозможности выезжать для производства следствия на места за отсутствием средств на путевое довольствие, всех направляемых вызывают в уездный город. В сельских же участках, имеющих радиус верст 80, марсудователи также выезжают редко за отсутствием или недостаточностью путевых. Это в настоящее время, пожалуй, самый большой вопрос в следовательской работе. Поэтому губернским судам надлежит обсудить вопрос о переводе канцелярий марсудователей в места, близкие к центру обслуживаемых участков. Возражения, которые при этом выдвигаются—трудность подыскания помещения и отдаленность от прокуратуры—неосновательны, так как для марсудователя нужно очень небольшое помещение, которое может быть найдено в любом селении, а прокурор по циркуляру № 37 все равно должен пробывать известное время в деревне, и посетить марсудователя ему будет не трудно.

Следует еще отметить, что из бесед с гражданами на сходах выяснилось недовольство их медлительностью предва-

рительного следствия по делам о преступлении местных советских, а в особенности, кооперативных работников. Преступления эти затрагивают, главным образом, интересы местного населения и дискредитируют в его глазах советскую власть. Поэтому быстрота предварительного следствия по этим делам является самым настоящим выполнением лозунга «лицом к деревне».

Об исполнении судебных решений.

Следует несколько подробнее остановиться на исполнении судебных решений. Следует прямо сказать, что великое решение, как бы удачно оно ни было вынесено, сводится к нулю, если остается невыполненным продолжительное время. Здесь воююжит в особенности вопрос о времени. А между тем, именно здесь спа всего чаще имеет место. Почти у каждого судебного исполнителя из тех, делопроизводствонх подвергалось нашему обследованию, было обнаружено недостаточное количество дел, находящихся без движения более или менее продолжительное время иногда с начала 1923 и 1924 г.г.

Главной причиной медленности исполнения является то обстоятельство, что в большинстве случаев все дела по взысканию возложены на судебных исполнителей, которые не могут справиться с этой работой: 1) в виду многочисленности дел, 2) в виду затруднительности поездок на места для совершения исполнительных действий за незначительностью поддежающей взысканию суммы. Да и сами взыскатели проживают от судебного исполнителя на расстоянии 70—100 верст, не могут проявить достаточной энергии для погуждения судебного исполнителя ускорить взыскание.

Милиции поручаются взыскания редко. По объяснению уполномоченных и народных судей это последнее обстоятельство объясняется тем, что сами праждане просят поручить взыскание судебному исполнителю, что милиция отказывается выполнять поручения в виду перегруженности и неумения справиться с работой.

Однако, беседа с пражданами показала, что для них или безразлично, или гораздо лучше обратиться за исполнением решения к милиционеру волости, в которой они проживают и в которой в большинстве случаев проживает также и должник, чем ходить на далекое расстояние к судебному исполнителю за взысканием передню незначительной суммы.

В целях приспособления работы по исполнению решений к нуждам населения необходимо возложить исполнение большинства решений, вынесенных по делам, возникшим у сельского населения, на милицию или ВИК'и.

Но должен ли суд остаться в стороне от этого исполнения, освободив его от всякого контроля с своей стороны? Безусловно нет. На обязанности суда лежит наладить это исполнение надлежащим образом, инструктируя и периодически проверяя эту работу. Подтверждением указанного требования являются циркуляры НКЮ и НКВД № 167—23 г. и № 40/75—25 г., которые дают право и возлагают на народных судей обязанность производить обследование деятельности милиции и ВИК'ов по исполнению судебных решений.

Однако, эти один из народных судей четырех губерний, работу коих нам пришлось поверять во время ревизии, ни разу не производил такого обследования. Губсуды никаких мер в этом отношении не приняли. Учета работы милиции по исполнению судебных решений не ведется. Мы полагаем, что губерньским судам надлежит инструктировать народных судей в отношении наблюдения за работой милиции и ВИК'ов в указанном отношении. Это вызывается потребностями на-

селения. Впрочем, нельзя же отметить снабжение некоторыми судами милиции настольными реестрами и денежными книгами.

Но и сами судебные исполнители в большинстве случаев предоставлены самим себе. Уполномоченные губсуды в уездах за очень редкими исключениями не производят за ними никакого наблюдения. В качестве иллюстрации последствий указанных обстоятельств могут служить такие явления, как неведение настольного реестра и денежной книги, хранение оправдательных документов по шарманам, медленность сдачи денежных сумм и проч.

В заключение следует коснуться двух явлений вносящих тормаз в работу судиспов и милиции.

Первое явление состоит в трудности, а подчас и невозможности произвести торги или за отсутствием лиц, желающих торговаться, или же из-за того, что в качестве покупателей выступают маклаки, которые, стоворившись, дают чрезвычайно малую сумму, и вещь или продается за бесценок или же совсем не продается.

В качестве мер борьбы с указанным явлением юридическая секция Моссовета предлагает организовать торги во время, свободное от занятий трудящихся, чтобы имел возможность принять участие более широкий круг покупателей. Эта мера, безусловно заслуживающая внимания и применения, по нашему мнению, все же не излечит указанного явления, так как с целью сохранения времени и удобства выбрать нужный предмет потребления по своему вкусу, в случае возникновения потребности в таковом, трудящийся охотнее пойдет в магазин, а не на торги. Поэтому всего целесообразнее устроить именно так, чтобы подлежащий продаже предмет скорее достиг кооперативного или государственного (коммунального) магазина, где он с большим удобством может быть предложен трудящимся. Поэтому надлежит поднять кампанию в газетах или путем непосредственных сношений с руководителями означенных выше торговых предприятий о большем участии означенных предприятий на торгах, чем это имеет место в настоящее время. Ведь не настолько еще богата наша Республика предметами потребления, чтобы в течение продолжительного времени оставлять таковые в неиспользованном виде. А главное, необходимо помочь пражданам обратиться в суд и к судебному исполнителю как можно скорее получить удовлетворение претензии, признанной судом законной.

Следует еще отметить один возникающий на местах вопрос об организации контроля за действиями судиспа на торгах, ибо имеются данные подозревать некоторых из них в ссачке с покупателями во вред сторонам. Нам кажется, что привлечение государственных, коммунальных и кооперативных торговых предприятий также может помочь беспристрастному судиспа. Во всяком случае считаем, что исполнение решений нуждается, пожалуй, в контроле не меньшем, чем и самое вынесение решений, и что до сего времени эта работа не пользовалась должным вниманием со стороны Наркомюста и губерньских судов.

Отношение судработников к населению.

В заключение считаем необходимым остановиться на вопросе, пожалуй, наиболее важном в отношении приближения к населению, вопросе о взаимоотношениях между судработниками и населением.

Парский режим нам оставил очень плохое наследство в виде забитости сельского населения. Это качество населения далеко не лишито и до настоящего времени, что чувствуется всякий раз, когда с ним сталкиваешься. И нужен особый подход, особая терпеливость

и выслаивали всех заявлений, особый наиболее деликатный для преступника язык всех судебных документов и бесед, чтобы растопить это чувство боязни, недоверия, смешанного с неодолимой желательностью, которое продолжает испытывать наш крестьянин к советскому работнику. К сожалению, последние по-прежнему ничего не делают для того, чтобы улучшить отношения с населением, а, наоборот, как-будто нарочно стараются его испортить. Мы не будем говорить о фактах, которые по существу своему являются преступными, свидетелями коих нам удалось быть во время ревизии, но и помимо преступлений приходилось встречаться с случаями небрежного отношения к населению, отметить которые мы считаем необходимыми в настоящей статье.

В Курской губернии существует такой термин «выслать». Когда мы пришли из одному из председателей сельсовета и просили его созвать собрание граждан, то он сейчас же написал бумажки уполномоченным селений, входящих в район, в которых арестована «выслать» граждан на собрание.

Оказываясь от этого термина не избавлены и судработники. Так, один из преследователей той же губернии так выливает граждан: «Предлагаю выслать такого-то в качестве свидетеля, иначе будет арестован». Однако, у вызываемого хватило человеческого мужества, чтобы на обиде такой невежливой повестки написать: «Явиться не могу по случаю болезни». Но свидетелем за это не пошлориком и на основании 104-й ст. Уг. Код. он был оштрафован на несколько рублей.

Народный судья 5-го уч. Елецкого уезда, Орловской губернии назначил судебное заседание с вызовом сторон из отдельных местностей своего участка, но, получив повестку о явке в военкомат, уехал, не приняв никаких мер, хотя бы к перепосу судебного заседания на другое число. Все это вызвало вполне законный ропот граждан, напрасно потерявших рабочий день. Между тем, вполне можно было бы отослать явку в военкомат, в виду такой чрезвычайной нечеловечности.

Один из судебных исполнителей Орловской губ. заставляет каждый месяц являться за 5 руб., взимаемых по

алиментному делу, граждан, проживающих верстах в 40. Так как платящими работниками какого-то предприятия человек неаккуратный, то взыскательнице приходится это сороковерстное путешествие удваивать, и в общем присутствии судисполнителя уговаривал по телефону ответчика, плаывая его по имени и отчеству, заплатить требуемую сумму. На наш вопрос, почему он не посылает деньги взыскательнице по почте, судисполнитель заявил, что он не в состоянии этого сделать за перестрауженностью работой.

Нарзаседательница одного из шарсудей Орловского уезда в беседе с нами охарактеризовала так отношение к населению судьи: «Он говорит с ними свысока, с усмешкой, и население его не любит и боится». С нарзаседателями отношением шарсудьи проходит с максимом: «И хотела бы поспорить, да приходится подчиняться, ведь он лучше разбирается в кодексах, чем я...».

Вот те примеры отрицательного характера, свидетелями коих нам приходилось быть. Мы считаем необходимым сказать, что данный момент требует внимательного изучения подхода судработников к трудящимся. При чем изучение это надо производить, главным образом, путем бесед с населением, либо только таким путем можно уловить несправедливый подход судьи, который должен быть изжит во что бы то ни стало.

Мы останавливались исключительно на дефектах работы, не указывая положительных явлений. Между тем, последних при ревизии было замечено также не мало. Среди них нужно отметить, что судработники в большинстве случаев выполняют большую общественную работу по заданиям местных организаций, что в большинстве случаев они пользуются авторитетом у населения и у этих организаций, что кампания по приближению суда к населению не стоит на одном месте (число выездных сессий и докладов увеличивается), а развивается, и губерньские суды уделяют достаточно внимания проведению в жизнь лозунга «лицом к деревне» — путем циркуляров и инструкций и путем проверки деятельности судработников в этом отношении во время ревизий, при выслушивании их докладов на пленумах и усовершенствованиях и т. п.

Панов и Елоховский.

Обзор советского законодательства за время с 24 по 31 августа 1925 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР.

1. Постановлением СНК СССР от 11 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 27 августа, № 194) о полном и своевременном предоставлении населению льгот, предусмотренных положением о едином сельско-хозяйственном налоге на 1925—1926 год, обязанность наблюдать за этим возложена на СНК республик, не имеющих губернского деления, а равно, на президиумы губисполкомов, уисполкомов и ВИК и; на НКФ возложено установить порядок и сроки отчетности по предоставлению этих льгот.

2. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 28 августа, № 195) об изменении и дополнении положения о едином сельско-хозяйственном налоге вносит некоторые изменения, касающиеся размеров обложения в отношении УССР, Узбекской и Туркменской республик, а также Казакской республики и Сунженск. окр.

3. Постановление СНК СССР от 27 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 24 августа, № 196) об использовании суб-

венционного фонда в 1925—26 бюджетном году устанавливает, что этот фонд предназначается на долевое участие в ряде местных расходов, из которых главнейшие сводятся к расходам по содержанию педагогического, медицинского, ветеринарного, агрономического и пр. персонала соответствующих местных учреждений, в частности по содержанию шарсудей и преследователей в сельских местностях, ремонту и устройству дорог, сооружению, ремонту и снабжению всем необходимым школ и лечебных учреждений в сельских местностях и пр. Большинство из этих расходов, как видно из изложенного, принадлежит к тем расходам, которые отнесены недавними постановлениями союзных органов и органов РСФСР на волбюджет (см. «Обзор» в № 31 «ЕСЮ», л. 3 и в № 32, А, п. 6).

4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 31 июля с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 25 августа, № 192) о промысловом обложении производства предметов роскоши и торговли ими вносит значительные изменения в действующие до настоящего времени правила об этом обложении (прил. 6 к коло-

желанию о госуд. промысловом налоге («С. У.» 1923 г., № 5, ст. 89). Значительно сокращен список предметов, относимых к предметам роскоши; раньше к ним относились все изделия из кожи, в том числе и обувь, теперь—только из крокодиловой кожи и лакированной; из серебряных изделий оставлены в списке лишь имеющие художественную ценность; исключены гастрономические товары и парфюмерия не заводского производства, автомобили, экипажи, ковры, цветы и оранжерейные растения и др. Уменьшен размер дополнительного уравнительного сбора: 3% для оптовой торговли и промышленных предприятий и 4% — для розничной (предприятия, торгующие помимо предметов роскоши другими предметами, облагаются отдельно по тому или другому виду производства или торговли). От этого освобождения освобождаются кустари и ремесленники, подпадающие под действие специальных законов о налоговых льготах ремесленникам и кустарям. Постановление вводится в силу с 1-го октября с. г.

5. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 26 августа, № 193) о порядке взимания акциза с шелковых тканей внутреннего производства, устанавливает, что этот акциз, в случае передачи шелковых тканей государственным и кооперативным ткацкими фабриками или раздаточными конторами в неотделанном виде для дальнейшей обработки на другие государственные или кооперативные фабрики, уплачивается первыми из указанных предприятий. НКФ совместно с ВСНХ СССР должны издать соответствующую инструкцию.

6. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 31 июля с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 29 августа, № 196) освобождены от акцизного сбора веревочные изделия производимые кустарями на дому по заказу государственных раздаточных пунктов и контор из сырья последних или кооперативных объединений этих кустарей.

7. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 27 августа, № 194) о распространении п. «м» ст. 43 временного положения о местных финансах на строения государственного треста авиационной промышленности указанные строения освобождены от обложения местным налогом со строений.

8. Постановлением СТО СССР от 5 августа («Изв. ЦИК СССР» от 27 августа, № 194) о вывозе падакцизных товаров через Маркинскую таможню со сложением акциза распространяет на вывоз этих предметов льготы, предусмотренные постановлением ВЦИК и СНК от 11 января 1923 г. о мерах содействия экспорту («С. У.» 1923 г., № 3, ст. 60).

9. Постановлением СНК СССР от 11 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 28 августа, № 195) о распределении сумм, вырученных от продаж наркотических средств, конфискованных в качестве контрабанды таможенными органами, и штрафов за контрабандный привоз указанных наркотических средств устанавливает новый порядок распределения этих сумм (за вычетом отчислений на судебные расходы и перевозку и реализацию указанных предметов): 20%—в доход учреждения, сотрудники коего обнаружили контрабанду, 30%—в доход ОГПУ на улучшение вещевого и продовольственного снабжения пограничной охраны, 30%—прямым задержателям, 20%—косвенным задержателям (а при отсутствии последних—в доход учреждений, которым передаются первые 20%).

10. Постановлением СТО СССР от 14 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 29 августа, № 196) о порядке составления промышленно-финансовых планов промышленности на 1925—1926 год дает подробные указания в отношении составления этих планов согласно выработанным Госпланом СССР контрольным цифрам на 1925—1926 год.

11. Одновременно с этим в интересах более правильного регулирования народного хозяйства СССР в 1926—1927 г. СТО СССР постановлением от 14 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 29 августа, № 196) о контрольных цифрах по промышленности на 1926—1927 г. возложил на ВСНХ СССР обязанность представить в Госплан СССР к 5 июля 1926 г. предварительные соображения и цифровой материал о предстоящей работе промышленности с тем, чтобы Госплан, на основании всех поступивших материалов, в том числе от других наркоматов, выработал и представил в СТО указанные контрольные цифры не позднее 1 августа 1926 г.

12. Подобно постановлению СНК от 28 июня (см. «Обзор» в № 32 «С. С. Ю.» А, п. 7), которым устанавливали упрощенный порядок регистрации для тех трестов, находящихся в управлении местных органов, которые существовали до опубликования соответствующего закона о них («С. У.» 1923 г., № 84, ст. 815), постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 июля с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 28 августа, № 193) об упрощенном порядке регистрации трестов, существовавших до издания постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 апреля 1923 г. («С. У.» 1923 г., № 29, ст. 336) устанавливает аналогичное правило для общегосударственных трестов: порядок регистрации указанных трестов должен быть определен инструкцией ВСНХ СССР по соглашению с НКвнторгом СССР.

13. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 августа («Изв. ЦИК СССР» от 21 августа, № 193) об изменении статьи 3-й постановления ЦИК и СНК СССР от 19 июня 1925 г. об опытных и поверочных мобилизациях возлагает на РВС СССР представление на утверждение СТО, по согласованию с союзными республиками и заинтересованными ведомствами, положения о производстве опытных мобилизаций; инструкция по осуществлению поверочных мобилизаций, разработанная РВС, не должна представляться на утверждение.

14. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 августа («Изв. ЦИК СССР» от 26 августа, № 193) о призыве на действительную военную службу граждан—жителей Карельской АССР, в виду улучшения экономического положения означенной республики, устанавливается, что граждане—жители этой республики подлежат в дальнейшем призыву на действительную военную службу на общих основаниях.

15. Постановлением СНК СССР от 11 августа с. г. вводит с 1 октября новую таксу на международные почтовые отправления («Изв. ЦИК СССР» от 28 августа, № 195): письма—за первые 20 грамм—14 к., за последующие 20 грамм—10 коп., почтовые карточки—7 коп.; бандероль с печатными произведениями—2 коп. за 50 грамм и т. д.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. На основании п. «а» ст. 36 временного положения о местных финансах («С. З.» 1924 г., № 22, ст. 199) 45% поступлений от государственного промыслового налога поступают в местные средства. Распределение этих поступлений между автономными республиками, областями и губерниями возложено на СНК союзных республик. СНК РСФСР постановлением от 29 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 30 августа, № 197) о распределении отчислений в местные средства от поступлений государственного промыслового налога по РСФСР на 1925—1926 бюджетный год дал список автономных республик, областей и губерний с указанием, в каком именно размере производится отчисление от этого налога по данной республике, области или губернии. Размеры отчислений колеблются между 100% и 10%,

2. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 августа сего года («Изв. ЦИК СССР» от 29 августа, № 196) утверждено положение о бюджетных правах автономных областей, которое предоставляет последним возможность активного участия в составлении бюджетных смет и охраны своих бюджетных прав. Доходные и расходные сметы, касающиеся автономных областей, особо выделяются в соответствующих сметах наркоматов. При рассмотрении этих смет в наркоматах, а равно в сметно-бюджетном совещании при НКФ участвуют представители соответствующих автономных областей, в последнем случае — с решающим голосом.

3. В целях содействия развитию золотопромышленности ВЦИК и СНК РСФСР постановлением от 30 июля с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 29 августа, № 196) о дополнении ст.ст. 324 и 327 Граждан. Код. РСФСР ввели следующие изъятия для акционерных обществ (паевых товариществ), имеющих целью поиски, разведку и добычу золота и сопутствующих ему металлов и минералов: число учредителей может быть всего 3 лица; цена акций может не превышать 25 руб., а весь основной капитал — 50.000 руб.; срок, к которому основной капитал должен быть окончательно собран, увеличен до 15 месяцев.

4. Развитие дорожного строительства имеет огромное значение и для хозяйственной, и для общественной, и для культурной жизни страны, в особенности для сельского населения. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 17 августа сего года («Изв. ЦИК СССР», № 197) о мероприятиях по местному дорожному строительству предусматривает ряд мероприятий, обеспечивающих развитие дела дорожного строительства, устанавливает отнук потребных лесных материалов из лесов государственного и местного значения для дорог губернского значения — с понижением таксы на 50%, для дорог уездного, волостного и сельского значения — бесплатный. Также разрешена бесплатная добыча необходимого камня, песка, глины и т. д. Сельсоветы, по постановлениям (большинства) общих собраний граждан сельской местности (сельских сходов), утвержденным ВЦИК'ом, могут привлекать в принудительном порядке проживающее в сельских местностях трудоспособное население, объединяемое сельсоветом, к работам по проведению, улучшению и ремонту дорог сельского и волостного значения. Работы производятся как лично, так и имеющимся у населения рабочим скотом; по ходатайству отдельных лиц

эти работы могут быть заменены в том же порядке денежными взносами, которые поступают в специальные средства сельсоветов на дорожное строительство. Планы работ по дорожному строительству также утверждаются в указанном порядке.

Ответственность за надлежащую подготовку, организацию и производство этих работ возложена на уездные (районные) и волостные исполкомы. Наркоминуделу поручено по соглашению с НКЗемом, НКФ РСФСР и уполномоченным НКПС при СНК РСФСР издать инструкцию по применению этого постановления.

5. Постановлением ВЦИК и СНК от 17 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 30 августа, № 197) о плановом переселении в 1925—26 г. утвержден ориентировочный план этого переселения с точным указанием районов переселения (отдельные части Поволжья, Северо-Кавказского Края, Уральской области, Сибири и ДВО) и числа переселяемых, в отдельности по каждому району, из которого будет производиться переселение. Намечено переселение до 150 тысяч едоков. На НКЗем возложена обязанность подготовить необходимые для водворения переселенцев земли в указанных районах; на НКЗдрав — организовать медицинскую помощь как при переселении, так и при водворении.

6. В дополнение к этому постановлению СНК РСФСР 22 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 30 августа, № 197) издал постановление об открытии в колонизационных районах специальных учреждений по колонизации и переселению. НКЗем предоставлено организовать специальные учреждения по колонизации в центрах указанных выпно районов переселения, а равно переселенческие пункты на путях следования переселенцев, передвигая последние в связи с ходом переселения. Расходы по содержанию всех этих учреждений отнесены на государственный бюджет. На НКЗем возложена обязанность разработать о них соответствующее положение.

7. Постановлением ВЦИК от 17 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 30 августа, № 197) утвержден, на основании общего положения о городах и сельских поселениях и поселках («С. У.» 1924 г., № 73, ст. 726), список городов и рабочих поселков Московской губернии, с одновременным поручением ЭКОСО РСФСР внести соответствующие изменения в списки селений, включенных в «Табель ставок основной ренты».

Сер. Аск.—ов.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения Гражд. Касс. Коллегии.

Определение по делу № 34353 — 1924 года.

По биржевой сделке от 26 августа 24 г. Аргаяшский кантонный сельпромсоюз обязался сдать Челябинскому отделению Промбанка в течение сентября 20 вагонов ржи по 65 коп. пуд, всего за 13.000 руб., в случае неисполнения сделки виновная сторона платит неустойку в 25% всей суммы сделки.

В виду того, что продавец в нарушение договора сдал всего 14 вагонов ржи, Челябинское отделение Промбанка предъявило в арбитражной комиссии при Челябинской товарной бирже к Аргаяшскому кантонному сельпромсоюзу

иск об уплате обусловленной договором неустойки в 3250 руб.

Ответчик иска не признал и объяснил, что он не мог выполнить принятых по сделке обязательств, так как в течение всего августа и сентября в Аргаяшском кантоне стояла дождливая и холодная погода, мешавшая уборке, молотбе и подвозу ржи к станциям, в подтверждение чего представил справку кантонного статбюро за № 473.

Признав возражения ответчика уважительными, арбитражная комиссия решением от 28 октября 24 года снизила размер неустойки и присудила в пользу истца 25% предоставленных 6.000 пуд. ржи, всего 975 руб.

Решение арбитражной комиссии обжаловано Челябинским отделением Промбанка в виду неосновательного понижения размера неустойки с 3.250 р. до 975 руб.: по мнению кассатора обусловленная сделкой неустойка может быть понижена судом только в случае установления, что договор не выполнен вследствие обстоятельств, которых должник не мог предотвратить, или что определенная сторонами неустойка чрезмерно велика по сравнению с действительными убытками кредитора, что, однако, судом установлено не было.

По этому делу Верховный Суд вынес следующее определение: именем РСФСР 1925 года, марта 23 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. М. Прушицкого, членов: Ф. И. Прокофьева и Н. М. Иванова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску Промбанка к Аргаяшскому сельпромухозу о взыскании неустойки, по кассационной жалобе Челябинского отд. Торг.-Пром. Банка на решение Челябинск. арбитражн. комиссии от 28-го октября 24 г., которым определено:

«Принимая во внимание отсутствие злой воли в выполнении сделки со стороны Аргаяшского сельпромухоза, а также, что выполнению мешала в значительной степени непогода, что подтверждено справкой Закопстатбюро Аргаяшского кантона — в полной сумме иска Челябинского Промбанка отказать, а за недоставленные шесть (6) вагонов ржи на сумму (3900) три тысячи девятьсот рублей взыскать с Аргаяшского сельпромухоза в пользу Челябинского Промбанка 25%, т.е. сумму (975) девятьсот семьдесят пять рублей, каковая должна быть внесена в Челябинский Промбанк не позже семи дней со дня вынесения постановления, судебные и за ведение дела издержки в сумме (97 р. 50 коп.) девяносто семь рублей пятьдесят коп. возложить на обе стороны в равной части».

Принимая во внимание, что арбитражная комиссия, хотя и не ссылается на 142 ст. ГК, но признала подлежащей взысканию неустойку в уменьшенном размере, что решение арбитражной комиссии содержит указание на обстоятельства, помешавшие ответчику своевременно выполнить принятые на себя обязательства и признанные арб. ком. уважительными, что хотя арб. комиссия и неправильно указала на окончательность решения, но поскольку решение обжаловано, эта серьезная ошибка арб. ком. не может служить основанием к отмене решения, гражд. кассационная коллегия определяет: кассационную жалобу оставить без последствий.

Определение по делу № 3737 — 1925 года.

Постановлением от 28 мая 24 года правление жил. товарищества № 6801 дома № 26 по Тверскому бульвару обязало гражданку Кроненберг, занимающую в доме вместе с душевнобольным мужем, сыном и прислугой площадь в 8,96 кв. саж., и не имеющую определенных занятий, вносить квартирную плату по ставке, установленной для лиц, живущих на нетрудовые доходы, в 7 р. 50 коп. за кв. саж.

В виду того, что гр. Кроненберг на это не согласилась и стала вносить квартирную плату по прежней ставке в 2 руб. за кв. саж. в депозит суда, правление жил. т-ва предъявило к ней по истечении двухмесячного срока иск о взыскании квартирной платы из расчета по 7 р. 50 к. за кв. саж. и о выселении ответчицы из занимаемого ею помещения. В дополнительном заявлении истец просит взыскать квартирную плату за время с мая по декабрь 24 г. в сумме 972 руб. 78 коп. и пеню в 730 руб. 52 к.

Ответчица иска не признала и объяснила, что она никаких средств к существованию не имеет и живет на то, что выручает от продажи своих вещей и что ей дают родственники.

Признав, что установленная правлением жилищного товарищества ставка в 7 р. 50 к. не является преувеличенной, так как ответчица живет на нетрудовые доходы, суд удовлетворил полностью иск правления в части взыскания квартирной платы, но понизил размер пени до 500 рублей и, не считая возможным выселить ее из дома, определил о переселении ее из занимаемого ею помещения в другое помещение по норме.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд, гр. Кроненберг указывает на то, что суд совершенно неосновательно признал ее лицом, живущим на нетрудовые доходы, и начислив пеню в 500 рублей, не принял во внимание, что она все время вносила квартирную плату в депозит суда.

Верховный Суд вынес по этому делу следующее определение:

именем РСФСР 1925 года, марта 24-го дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя А. А. Лисицына, членов: А. А. Крамер-Агеева и Н. М. Иванова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску жил. т-ва дома № 26 по Тверскому бульвару к гр. Кроненберг, Э. В., о взыскании квартирной платы 1205 руб., по кассационной жалобе гр. Кроненберг, Э. В., на решение Московского губсуда от 19 декабря 1924 года, которым определено: «взыскать с ответчицы Эстер Веняминовны Кроненберг в пользу истца жил. товарищества № 6801 дома № 26 по Тверскому бульвару: 1) квартирную плату в сумме девятисот двух рублей 78 к.; 2) плату за воду в сумме двенадцати рублей 88 коп.; 3) пени в сумме пятисот рублей; 4) выселить ответчицу из занимаемого ею помещения, обязав жилищное товарищество предоставить ей помещение по норме. Далее взыскать с ответчицы в пользу истца судебных пошлин 6% со всей присужденной суммы и издержек по ведению дела, согласно примечания к ст. 46 Г. П. К. 5% также со всей присужденной суммы».

Рассмотрев настоящее дело, гражданская кассационная коллегия находит: 1) ответчица оспаривала все время увеличение правлением жил. товарищества квартирной платы до 7 р. 50 к. и поэтому вносила квартирную плату по прежней норме 2 руб. с кв. саж. в депозит суда. Ответчица заявила и на суде, что она определенных источников дохода не имеет, а живет от продажи вещей и помощью родственников. Муж ее душевнобольной с 1923 года, бывший торговец по патенту II разряда.

2) Суд все эти указания ответчицы оставил без внимания, признав, что ответчица живет на нетрудовые доходы. Повидимому, суд считает нетрудовым доходом, вообще, неопределенные источники существования, а это не соответствует требованиям, изложенным в постановлении Президиума Моссовета от 29 сентября 1924 года, по смыслу § 3 коего под нетрудовыми доходами нельзя категорически признать также неопределенные источники существования, как распродажа вещей, помощь родственников и т. д.

3) Так как суд не установил, чтобы ответчица имела определенный нетрудовой доход с капитала или какого-либо предприятия, одно предположение, что у нее остались какие-то неопределенные средства ее мужа, ныне душевнобольного, не дает оснований к отнесению ее к лицам, облагаемым высшей ставкой квартирной платы.

4) Верховный Суд допускает такие случаи в жизни, когда норму оплаты квартиры по таксе применить затруднительно, но это не значит, что лиц с неопределенными источниками доходов, как в данном случае, нужно приравнивать к лицам, живущим на нетрудовые доходы, понятие коих трактуется в действующем жилищном законодательстве ясно и определено. В подобных случаях, поскольку данное лицо не принадлежит к трудящимся, суд может неходить из принципа самокупаемости, т. е. определять плату за помещение на основе довоенной доходности данного помещения с поправками на падение ценности денег и ухудшение или улучшение помещения.

5) При том положении, которое было между сторонами, неплатеж квартирной платы вызывается спорностью самого повышения таковой правлением жил. товарищества и поэтому к взысканию пени нет законных оснований, и суду надлежало иметь в виду произведенные платежи.

6) в решении суда не мотивировано, почему обязательно требуется переселение ответчицы, заботившейся о благоустройстве квартиры (устройство печей), а не уплотнению, если имеются излишки площади.

На основании изложенного Г. К. К. Верховсуда определяет: решение Московского губсуда от 19 декабря 1924 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Определение по делу № 31209—1925 г.

Имеем РСФСР 1925 года, марта 26 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. В. Александровского, членов: Ф. И. Прокофьева, Н. М. Иванова, при прокуроре: Б. М. Бродском, в открытом судебном заседании слушал в порядке 249 и 91 ст. ст. ГПК частную жалобу театра «Комедия», бывш. Корш, на определение Ленинградского губсуда от 21 марта 1925 года по делу по иску Ленинградск. театр. упр. при губполитпросвете ГУБОНО к А. Н. Толстому и П. Е. Щеголеву о предоставлении монопольного права истцу постановки пьесы «Заговор Императрицы» и о взыскании убытков по вопросу об отмене обеспечения иска.

Рассмотрев жалобу театра «Комедия», бывш. Корш, гражданская кассационная коллегия находит следующее: 1) Ленинградское театральное управление при губполитпросвете ГУБОНО предъявило к А. Н. Толстому и П. Е. Щеголеву иск о предоставлении названному истцу монопольного права к постановке пьесы «Заговор Императрицы» в гор. Ленинграде и Москве и о взыскании убытков, при чем определением Ленинградского губернского суда от 21 марта 1925 года иск обеспечен воспрещением постановки пьесы «Заговор Императрицы» в театрах гор. Москвы без согласия истца—Ленинградского театрального управления при губполитпросвете губотдела народного образования; 2) на основании означенного выше определения суда судебный исполнитель 2-го участка гор. Москвы в повестке на имя дирекции театра «Комедия» от 23 марта с. г. предложил немедленно выполнить указанное выше определение,

при чем в повестке добавил, что при неисполнении добровольном, «будет поступлено принудительно»; 3) театр «Комедия» принес в ГПК жалобу, в которой ходатайствует об отмене упомянутого выше определения губсуда; 4) жалоба театра «Комедия», как поданная по участвующим в деле лицом, рассмотрению в ГПК не подлежит. Однако, выслушав заключение прокурора, в свою очередь полагающего, что частная жалоба рассмотрению не подлежит и, что, с другой стороны, настоящее дело подлежит рассмотрению ГПК в порядке надзора, на основании 254 ст. ГПК, при чем определение Ленинградского губсуда, как незаконное, подлежит отмене, гражданская кассационная коллегия считает возможным принять настоящее дело к своему рассмотрению в указываемом прокурором порядке.

Рассмотрев же дело по вопросу об обеспечении иска в порядке надзора, гражданская кассационная коллегия находит следующее: 1) на точном основании 87 ст. ГПК обеспечение иска может быть допущено лишь путем наложения ареста на принадлежащее ответчику, находящееся у него или у посторонних лиц имущество, при чем, согласно 88 ст., при обеспечении иска госучреждения к частному предприятию может быть допущено назначение истцом своего представителя для наблюдения за правильным ходом предприятия; 2) что иск по настоящему делу по существу еще не разрешен, а между тем обеспечение иска, поговоря уже о том, что оно противоречит закону, допущено в таком виде, который является равносильным приведению состоявшегося уже решения в исполнение; 3) если 186 и 187 ст. ст. ГПК в новой их редакции устанавливают немедленное обращение состоявшегося судебного решения к исполнению лишь в виде исключения, то тем более, по несостоявшемуся еще решению не может быть допущено обращение к исполнению определения об обеспечении иска, равносильное приведению в исполнение самого решения; 4) истец, в случае удовлетворения его иска, не лишен возможности при наличии представленного жалобщиком при жалобе договора жалобщика с авторами упомянутой выше пьесы от 3-го февраля с. г. о предоставлении указанными авторами жалобщику права ставить пьесу «Заговор Императрицы» в театре «Комедия», отыскивать убытки как с названных авторов, так и с театра «Комедия»; 5) оставление в силе допущенного Ленинградским губсудом обеспечения иска, при возможности в установленном законом порядке удовлетворения возможных последующих претензий истца, являлось бы нарушением интересов трудящихся—коллектива работников театра «Комедия».

А потому кассационная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР, согласно заключению прокурора, о п р е д е л я е т:

Определение Ленинградского губсуда от 21-го марта 1925 года об обеспечении иска Ленинградского театрального управления при губполитпросвете губ. отдела народного образования к А. Н. Толстому и П. Е. Щеголеву—отменить, сообщив копию настоящего определения Ленинградскому губсуду.

Х Р О Н И К А.

Увольнение от работы одиноких женщин, имеющих детей до одного года.

В развитие статьи 1-ой постановления Наркомтруда, НКСО, ВЦПС и ВСНХ от 20 февраля 1922 года «об условиях и порядке увольнения от работы женщин в связи с сокращением штатов» («Собр. Узак.» 1922 г. № 18, ст.

203), Народный Комиссариат Труда РСФСР постановил (постановление Наркомтруда РСФСР от 16 июля 1925 г., № 207/1264), что одинокие женщины, имеющие детей до одного года, могут увольняться лишь в исключительных случаях с разрешения в каждом отдельном случае инспектора труда.

Отмена обязательных постановлений об установке телефонов в местах общественного пользования.

Некоторыми губисполкомами издаются обязательные постановления об установлении телефонов в местах общественного пользования, как-то: в пивных, в ресторанах, в столовых, в чайных, в кофейнях и в магазинах. Между тем, установка телефонов в предприятиях вышеупомянутого характера может производиться исключительно лишь на основании добровольного соглашения между данным предприятием и телефонной станцией, так как в противном случае это будет носить характер налога в пользу последней. По этим соображениям Наркомвнудел издал циркуляр (№ 400 от 25 июля 1925 г.), предписывающий обязательных постановлений об установке телефонов в местах общественного пользования впредь не издавать, а уже имеющиеся отменить.

Обложение подоходным налогом ремесленников и кустарей.

Наркомфин СССР, по соглашению с НКРКИ СССР, разъясняет (циркуляр № 911 от 31 июля 1925 г. Наркомфинам Союзных Республик), что ремесленники и кустари, входящие в кооперативные объединения и участвующие в прибылях кооперативных организаций или сбывающие через кооперативы свои произведения, уплачивают основной подоходный налог в порядке, установленном постановлениями СНК и ЦИК Союза ССР от 10 апреля и 12 мая с/г., т. е. проживающие в сельских местностях — по первой группе категории «Б», а проживающие в городах — по 1-ой или по VI группе той же категории, в зависимости от наличия у них наемных рабочих.

Оплата гербовым сбором комиссионных счетов.

В феврале текущего года по одному частному случаю Госналог дано было разъяснение, что счета комиссионера комитенту подлежат оплате пропорциональным гербовым сбором по сумме комиссионного вознаграждения; если же в этих счетах указываются, кроме того, суммы, следуемые с комитента не комиссионеру, а другим лицам (например, для уплаты за купленный комиссионером для комитента товар, за перевозку его по железной дороге и т. д. комиссионер же служит только передатчиком этих сумм), то последние самостоятельной оплате гербовым сбором не подлежат, а будучи выделены в особый счет, оплачиваются простым гербовым сбором в шесть копеек. Однако, такая оплата комиссионных счетов допускается при существовании комиссионного договора, в противном случае счета подлежат оплате пропорциональным гербовым сбором по всей сумме «за неимением каких-либо данных для иной оплаты».

По имеющимся в Госналоге сведениям вышеприведенное разъяснение было понято на местах в том смысле, что единственным доказательством комиссионного характера счетов может быть только договор о комиссии, во всех остальных случаях счета подлежат оплате пропорциональным гербовым сбором, хотя бы и имелись «какие-либо дан-

ные для иной оплаты». В целях устранения такого неправильного применения данного разъяснения Наркомфин СССР циркулярно разъяснено (циркуляр № 910 от 30/VII—1925 г. Наркомфинам Союзных Республик), что счет, хотя бы он и был назван комиссионным, подлежит оплате по полной сумме, при отсутствии доказательств того, что он подан по исполнению комиссионной сделки, когда, следовательно, за сделкой, называемой комиссионной, в действительности может скрываться сделка купли-продажи или поставки. Когда же счет выдается по исполнению письменного поручения или хотя бы и поручения словесного, но комиссионер представляет оправдательные документы по совершенным им за счет комитента сделкам (например, счета на купленные товары, грузовые документы и прочие), словом, когда с несомненностью установлено, что из сумм, указанных в счете, только часть, как комиссия, поступает в собственность комиссионера, остальные полностью причитаются другим лицам, — счет подлежит оплате пропорциональным гербовым сбором лишь по сумме комиссионного вознаграждения, и требовать оплаты его по общей сумме нет оснований.

О времени оплаты гербовым сбором договоров, подлежащих засвидетельствованию в нотариальном порядке.

Вопрос о времени оплаты гербовым сбором договоров, подлежащих засвидетельствованию в нотариальном порядке, был разрешен постановлением ЦИК и СНК от 30 июля 1925 года («Изв. ЦИК СССР» от 12 июля 1925 г. № 48). Согласно этого постановления «договоры, подлежащие засвидетельствованию в нотариальном порядке, подлежат оплате гербовым сбором при подписании сторонами, при чем договоры и соглашения, исправленные и переписанные по указаниям нотариуса, вторичной оплате гербовым сбором не подлежат».

Это постановление СНК разъяснено Управлением Наркомфина в циркуляре от 20 августа 1925 г. Госналог указывает, прежде всего, что применение к договорам, подлежащим обязательному нотариальному засвидетельствованию, общего порядка, установленного для оплаты документов гербовым сбором ст. 10 Устава о гербовом сборе, не исключает возможности и последующей оплаты подобных договоров в течение 2-х недельного льготного срока, на общем основании с другими документами, допускающими последующую оплату. Далее циркуляр разъясняет, что под исправлением договора, о котором говорит постановление ЦИК и СНК, следует понимать исправления редакционного или формального характера, не изменяющие тех пунктов договора, которыми определяется размер оплаты его гербовым сбором, так как при таком изменении был бы уже не исправленный договор, а новый.

Что касается договоров, совершенных до опубликования постановления ЦИК и СНК от 30 июля 1925 г., то они могут считаться правильно оплаченными гербовым сбором, если такая оплата была произведена не позже их нотариального засвидетельствования.

НА МЕСТАХ.

С'езд работников юстиции Шадринского округа Уральской области.

В июле 1925 года происходил окружной с'езд работников юстиции и милиции Шадринского округа Уральской области.

На повестке дня стояли следующие вопросы:

Доклады уполномоченного областного суда, прокура-

туры, нарушды, наследователя и начальника милиции, доклады о работе нарушдов и наследователей после последних изменений УК и УПК, о революционной законности и об административной работе в деревне.

Из докладов и прений по ним выяснилось, что главное препятствие в работе судебно-следственных органов — чрезмерно большое поступление дел, являющееся следствием больших размеров районов.

Среднее количество поступающих дел по округу в месяц на каждый судебный район равняется 140 и на следственный 19, при чем в отдельные периоды года эта цифра доходила до 170 дел на судебный и 22 на следственный районы, а по отдельным наиболее перепруженным районам до 350 на судебный и до 40 на следственный.

Конечно, такое поступление дел не могло не отразиться на качестве работы. В соответствии с увеличением пропускной способности увеличивался и % отмененных дел кассационной инстанцией и возвращенных для доследования.

Второе наиболее серьезное препятствие в работе — недостаток средств на почтово-канцелярские расходы, а в результате задержка в отправке почты по целым месяцам и отсутствие бланков и книг, а иногда и бумаги.

Скверно также обстоит вопрос с юридической литературой. Некоторые нарсудьи и следователи не имеют не только Ежен. Сов. Юст. и другой подобной литературы, но даже пользуются кодексами чуть ли не первого издания.

Имеются также и другие недостатки, но все они вызваны изложенными выше условиями.

Например, следователи старались посылать незаконченные дела в народные суды, по коим обязательно предвзятое следствие. Далее, все почти начальники милиции за исключением немногих очень мало уделяли внимания производству дознания. В некоторых судебных районах наблюдается стремление разгрузиться от залежи дел посредством массового применения ст. 4-а УЛК.

Как крупный недостаток, нужно отметить — медленность в движении дел, имеющих общественный интерес, как например, по хозяйственным, должностным преступлениям и по делам, возникающим по газетным заметкам. По части наказания штрафов, как в административных, так и в судебных органах была тенденция преувеличивать их размеры в целях пополнения местного бюджета.

Как достижение в работе органов юстиции и милиции нужно отметить следующее: 1) Увеличение количества обривизованных судебных и следственных районов уполномоченным областного суда. 2) Удачно проведенную кампанию по переизбору народных заседателей, в результате чего в текущем году увеличился % женщин (с 5 до 17) в составе народных заседателей и проведение районных съездов с ними по всему округу. 3) Увеличение выездных сессий нарсудов для разбора дел на местах. 4) Проведение нарсудьями и следователями бесед по правовым вопросам с рабочими и крестьянами, постановка докладов о работе народного суда, организация юридических кружков и юридических консультаций и многие другие.

В целях ликвидации всех недочетов, имеющихся в работе органов юстиции и милиции, съезд вынес целый ряд практических предложений для руководства дальнейшей работы, в частности постановлено было просить окружком об увеличении сети судебно-следственных и милицеских районов и улучшении материального положения работников юстиции и милиции.

Овчинников.

Совещание работников юстиции Мезенского уезда Архангельской губ.

В Мезени Архангельской губ. происходило совещание работников юстиции.

На повестке совещания стояли следующие вопросы: о революционной законности и карательной политике СССР в связи с лозунгом «лицом к деревне» доклад уполномоченного Архангельского губсуда, доклады нарсудей, нарследователей и доклад помощника прокурора и некоторые другие.

Совещание наметило по всем вопросам целый ряд практических мероприятий, уделив особое внимание вопросу о проведении революционной законности в деревне. Работа в деревне представляет большие трудности из-за обширности территории, отсутствия путей сообщения и отсталости населения, которое большую часть времени проводит на промыслах в море.

Совещание в своих резолюциях указало нарсудьям на необходимость как можно чаще выезжать на места для разбора дел в самые отдаленные местности, приурочивая свои выезды к моментам скопления населения в деревне. Совещание подчеркивало также, что судья должен быть общественным работником и проводить на местах собрания, беседы, используя всевозможные способы для того, чтобы знакомить население с основами советского законодательства, а также регулярно проводить совещания с наразсудателями. Учитывая особенности края, совещание наметило организацию справочных столов при избах-читальнях и налаживание работы в уже существующих. Работа эта безусловно трудная, т. к. территория уезда неизмерима и на всем пространстве разбросаны деревни, отстоящие от центра — камеры суда — на 300 верст и более. Совещание отметило, что нарсудьи и следователи обязаны во всех случаях знакомиться с работой милиционера на месте, обследуя и налаживая его работу. Далее, так как значительная часть населения, кроме промыслов, занимается сельским хозяйством и больше всего интересуется положением о расчислениях, на которых, можно сказать, и держится его хозяйство, каждый нарсудья обязан периодически обследовать и налаживать работу волземкомиссий.

Совещание не могло обойти молчанием и вопроса, имеющего большое значение в Архангельской губ., о регистрации охотничьего оружия. Население в подавляющем большинстве занимается, как промыслом, охотой и имеет оружие, от регистрации которого уклоняется, так как за регистрацию взимаются сборы.

Привлечение уклоняющихся от регистрации к ответственности также не может дать положительных результатов, так как трудно было бы почти больше половины населения уезда привлечь к ответственности. В силу этих соображений совещание присоединилось к возбужденному уездным исполнительным комитетом ходатайству о понижении сбора, взимаемого за регистрацию, так как другим путем этого вопроса разрешить нельзя.

Долгоборздов.

Обзор иностранной литературы.

Харвардское Юридическое Обозрение. 1925 г., кн. 1 и 4 (Кембридж, Массачусетс — Соединенные Штаты Америки).

Трехмесячник гражданского права. 1924 г., кн. 4 и 1925 г., кн. 1. (Париж, Франция).

Политика и право в американской юриспруденции. Вопрос о методах разрешения споров между трудом и капиталом. Из практики французских судов. Казусы из области семейного и брачного права. Исключительные права: право

на псевдоним. Некоторые вопросы, связанные с охраной индивидуальной свободы.

Вопрос об отношении политики и права продолжает волновать юридическую мысль Запада. Мне случалось уже отмечать на страницах «Ежен. Сов. Юст.» опыты разрешения этого вопроса — по отдельным поводам — во французской юриспруденции. Американская наука права вплотную подошла к той же теме. Это весьма характерно, прежде всего

потому, что американцы, как вообще англо-саксы, любят гордиться устойчивостью своих учреждений и основных законов. Во-вторых, потому, что именно в англо-саксонских странах культ права и поклонение законности приобрели особенную мощную опору в идеологии широчайших кругов средней и мелкой буржуазии. Нельзя отрицать влияния этого культа и на верхи пролетариата, высоко квалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Между тем, вопрос об отношении политики и законности является в известной степени роковым для буржуазной теории права. Причины этого ясны. Политика вся основана на начале целесообразности; недаром же большинство авторов определяют ее, как искусство достижения общественных и государственных целей. Наоборот, право, каково бы ни было его происхождение и классовое содержание, по форме представляет отвечающий, обязательный к исполнению приказ. Входить в оценку его целесообразности в каждом отдельном случае нельзя. Это значило бы заменить ясно и отчетливо выраженное общее веление государства неустойчивым произволом и разнообразием оценок, исходящих от отдельных агентов власти. С другой стороны, нельзя приносить в жертву идолу устойчивости права живые интересы текущей действительности. Нужно найти какой-то выход. Выход этот приблизительно намечается, но далеко еще не найден, в развитии советского правопорядка с его стремлением обязать судью продумывать в целом ряде случаев целесообразность своего решения или приговора (напр., ст. 4-а Угол. Проц. Код.). Положение буржуазной науки гораздо труднее, так как ей приходится для разрешения данного вопроса пересматривать те из своих начал, которые рисовались неизменными.

В 37 томе «Харвардского Юридического Обозрения» Морис Финкельштейн напечатал статью под заглавием: «Судейское самоограничение». Такое несколько необычное заглавие объясняется участвующими в практике американских судов случаями отказа от разрешения дел на том основании, что дела эти лежат вне сферы судебного рассмотрения, как содержащие в себе «политический вопрос». Понятие политического вопроса, замечает Финкельштейн, употребляется в самых различных смыслах. Иногда суд опасается важных последствий, которые может повлечь для широких общественных кругов его решение. Иногда отказ от решения вызван чувством (feeling) некомпетентности суда именно в данном вопросе. Случается, наконец, что предмет спора кажется суду слишком высоким и потому недоступным для судебной операции. Почти во всех этих случаях суды принимают за правило отсылать стороны к органам, ведающим политические вопросы.

Финкельштейн, конечно, ошибается, недооценивая решительность судов по части применения политических начал. Мелче всего следовало бы упрекать в робости Верховный Федеральный Суд Соединенных Штатов. Ниже будут приведены любопытные случаи из практики этого суда, относящиеся к данной области. Но кое в чем Финкельштейн прав. Создалось положение, колеблющее прежде всего знаменитый принцип разделения властей. По учению Монтескье, воспринятому основателями американской конституции, каждая из властей стремится к расширению своего могущества. Дабы воспрепятствовать этому стремлению, закон делит полномочия между законодательными, исполнительными и судебными органами, ограждая их взаимную независимость и побуждая сдерживать друг друга. С точки зрения доктрины разделения властей совершенно непонятно хотя бы то самоограничение суда, о котором говорит Финкельштейн. Объяснение лежит в факте чрезвычайно напряженной классовой борьбы, под давлением которой суды предпочитают скорее умалить свою власть, нежели

ослабить минимую независимость. Автор статьи «Политические вопросы» в том же журнале, Мельвилль Вестон, огорчен этим обстоятельством и видит в нем проявление судебной приспособляемости (оппортунизма), вряд ли заслуживающей одобрения. Вестон предлагает четко отграничить политические вопросы от юридических. Мериллом разграничения он избирает формально юридический момент. Судебными или юридическими вопросами надлежит считать те, которые законом относятся к ведению судов. Политическими вопросами являются вопросы, опять-таки по закону относящиеся к ведению власти исполнительной либо законодательной, либо, наконец, самого народа. Последнее не вполне ясно, ибо «сам народ» — понятие в юридическом смысле весьма расплывчатое. Но независимо от того, деление, предлагаемое Вестоном, опасно, поскольку правительство выступает в нем только как политический орган, не связанный в своей деятельности юридическими рамками. По делу Торгового Обединения Нью-Джерсей с Миллером Верховный Суд признал правильными противозаконные действия попечителя иностранных имуществ, павшего уже после заключения мира арест на суммы, принадлежащие германским гражданам. Вестон с своей стороны готов согласиться, что действия этого попечителя являются «необычайными» (unusual). Тем не менее, он разделяет мнение Верховного Суда, исходя из тех соображений, что во время войны допустимы многие действия, необычайные с точки зрения мирного времени. Власть, которая уполномочена признать необходимым издание известного, связанного с войною акта, уполномочена тем самым определять, когда необходимость в этом акте миновала, разрешение этих вопросов суд от себя отключает.

Но такая скромность не всегда имеет место в судебной практике. Иногда самый отказ от судебного решения является политическим актом. Иногда же суд находит удобным принять на себя разрешение политического вопроса. В деле Даунза с Бидуэллом перед Верховным Судом стоял труднейший вопрос, распространяются ли финансовые постановления конституции Соединенных Штатов на вновь приобретаемых этим государством территории. Острота разногласий между судьями видна из того, что решение было принято пятью голосами против четырех, причем большинство в свою очередь разделилось на три группы по вопросу о мотивах решения. Судья Браун указал, что конституция прямого ответа на стоящий перед судом вопрос не дает. Решение можно постановить, лишь руководствуясь природой правительства, созданного конституцией, мнением современников, практикой Конгресса и Верховного Суда. Как справедливо указывает Вестон, суд выходит здесь за пределы частного права и вносит в свои рассуждения элемент «политической мудрости». Советскому юристу трудно заметить, что судья Браун весьма растянуто и смутно изложил мысль, очень близко подходящую к тому, что гораздо яснее и выразительнее изложено в 4-й ст. нашего Гражданского Процессуального Кодекса.

В своих замечательных работах директор Лисского института сравнительного правоведения Ламбер показал, как под давлением классовой борьбы выгибается линия судебной практики в Америке, и как Верховный Федеральный Суд становится рычагом действия наиболее реакционных сил американского общества. Несколько лет, прошедших со времени появления главного труда Ламбера, сделали практику Верховного Суда более уступчивой. События показали судьям, что самая твердокаменная идеология конституционности не помогает в тех случаях, когда сталкиваются организованный труд и капитал, т.е. те силы, борьба которых в последнем счете определяет судьбу идеологий и конституций, а не наоборот. Апрельская книжка Харвардского

Обзор содержит статью Сиднея Симпсона о конституционных ограничениях принудительного арбитража в промышленности. Тема, на первый взгляд, узко специальная. В действительности, за нею скрывается одна из наиболее интересных страниц борьбы классов в современной Америке.

Юридическая форма этого социального спора сводится к вопросу о пределах государственного вмешательства в «свободу договоров», провозглашенную американской конституцией и составляющую один из устоев буржуазного правопорядка. Научная критика давно расшатала основания хитроумной постройки юристов, но здание в целом еще не разрушено, и под его сенью продолжает скрываться целый ряд фикций, единственное назначение которых — обеспечить сильнейшему из противников поддержку государственного аппарата. Задача не столь простая, как могло бы на первый взгляд показаться, так как государственные органы, в современном своем виде, не могут избежать значительного давления промежуточных классов — фермеров, интеллигенции, мелкой буржуазии. Эти классы заинтересованы прежде всего в сохранении социального мира. Лишенные истинности классовая борьба, вечно колеблющаяся между двумя основными классовыми формациями, промежуточные группы желают сохранить покой, поуждая борец в взаимным уступкам. В 1920 году в штате Канзас был учрежден промышленный суд с правом разрешать споры между трудом и капиталом в важнейших отраслях промышленности. Он был облечен также правом запрещать стачки и локауты не только во время судебного разбирательства, но и по окончании его, когда входило в силу обязательное для обеих сторон судебное решение. Суд этот развил весьма широкую деятельность, но через четыре года ей был положен предел решением Верховного Федерального Суда, исключившего из ведения Канзасского трибунала все отрасли промышленности, не имеющие монополистического характера. Вокруг всего процесса и других сходных дел завязались горячие споры в общей и специальной печати. Статья Симпсона, очень стройно и четко написанная, пытается извести итоги этим спорам.

Речь идет о том, как заменить немирные способы разрешения споров в промышленности (локауты и стачки) способами мирными. Одним из таких способов является расследование конфликта особой правительственной комиссией или министерством труда. Эта комиссия выносит свое решение, не обязательное для сторон, но публикуемое в печати. Здесь преследуется цель мобилизации общественного мнения в пользу той же стороны, которую следственная комиссия признала правой. Этот способ очень быстро показал свою неэффективность для капиталистических организаций, обнаружив тем самым заметный кризис общественного мнения, т.-е. симпатий фермеров, интеллигенции и мелкой буржуазии в сторону пролетариата. Возник судебный спор против самой возможности такого расследования, как посягающего на право собственности и нарушающего требования «законного процесса». Спор этот был дважды проигран в Верховном Суде Штата Массачусетс. Однако, Пенсильванская железнодорожная компания довела его до Федерального Верховного Суда по другому делу, в связи с своим отказом считаться с одной из рабочих организаций. Правительственный орган, расследовавший дело, принял сторону рабочих и опубликовал свое решение. Верховный Суд оставил жалобу Пенсильванской компании без последствий. Этим случаем засвидетельствовала сила общественного мнения и правильность тактики тех революционных организаций пролетариата, которые стремятся теперь же привлечь на его сторону широкие круги трудящихся деревни и города, не исключая и мелких собственников.

В разгар борьбы правительство не может ограничиваться такими относительно мягкими способами воздействия. Бывает, что временный перерыв работ на каком-нибудь жизненно важном предприятии грозит тяжкими бедствиями всему обществу. Тогда декретом уполномоченного на то органа запрещается перерыв деятельности предприятия на время правительственного расследования конфликта. Здесь уже несомненно вторжение в договорную свободу, необходимой частью которой, согласно разъяснения Верховного Суда Соединенных Штатов, является право сторон соглашаться или не соглашаться на предлагаемые условия. В знаменитом деле Вильсона с Нью-Йорком по поводу закона Адамсона, повысившего плату некоторым категориям железнодорожников на время правительственного расследования их спора с компанией-шахмателами. Жалоба на неконституционность статута Адамсона была отклонена Верховным Судом по следующим соображениям. Статут явился временным мероприятием, имевшим целью предотвратить железнодорожную стачку, которая повлекла бы за собой расстройство всей национальной жизни; как таковой, статут надлежит считать актом полицейского управления, т.е. в чем не претягивающим полномочий правительственной власти. Как разумное средство к достижению благой общественной цели, закон Адамсона не противоречит правилу о разрешении гражданских споров в судебном порядке. Еще дальше идет практика Верховного Суда, допуская по тем же мотивам принудительное выполнение решений арбитражных органов.

Доктрина и практика не решаются, однако, распространить эти правила на все без исключения промышленные конфликты. Запрещение стачек и локаутов, пишет Симпсон, вне всякого сомнения конституционно в применении к предприятиям общественно необходимым (напр., железные дороги, телеграф). Не столь очевидна, по все же весьма вероятна неконституционность этих мер по отношению к основным из монополистических предприятий (угольные копи, хлебные элеваторы). Сомнительно, допустимы ли те же мероприятия при конфликтах, затрагивающих производство предметов роскоши. В общем, однако, замечается склонность к расширению регулирующего вмешательства государственной власти, хотя в решениях Верховного Суда склонность эта не встречает особо горячей поддержки. Со свойственной англо-саксам нелюбовью к отвлеченным правилам, федеральные юристы воздерживаются от связывающих суд определений. «Общие предпосылки не дают исчерпывающего разрешения конкретных дел», — заявил судья Гольмс, и это изречение характеризует тот тупик, в который зашла буржуазная юриспруденция с ее учением о беспредельности права. Ведь, если стать на точку зрения Гольмса, то логически неизбежно докатиться до учения о свободном усмотрении суда и об относительной значимости правовых норм.

Конечно, дело не в логических выводах и не в каких бы то ни было, пускай, самых тонких юридических конструкциях. Все это может дать обильную пищу остроумию и казуистическим выкладкам юристов. С точки зрения социологии, речь идет о сохранении наибольшей свободы маневрирования аппарата буржуазного государства в усложнившейся до чрезвычайности обстановке классовой борьбы. Это с полной ясностью обнаруживается из тех мест статьи Симпсона, где автор с пессимистическим страхом говорит о колоссальном росте рабочих организаций, фактически контролирующих все важнейшие отрасли национального производства. Симпсон считает конституционным принудительный арбитраж с запрещением немирных способов борьбы во всех случаях особо развитой мощи рабочих организаций. Трибуналы должны получить право дробления этих органи-

заций. В противном случае, немислимо серьезно говорить о принудительном арбитраже и, следовательно, о сохранении классового мира.

Но здесь наш автор натапливается на новое юридическое препятствие. В самом деле, американская конституция запрещает всякие принудительные работы иначе, как по приговору уголовного суда. Запрещение же стачек не есть ли принуждение к работам? Симпсон не согласен с таким взглядом на вещи. Ни один гражданин в отдельности работать не принуждается; запрещено лишь массовое оставление работ, сопровождаемое требованиями к нанимателю. Наконец, судья Мак-Келли выдвинул новое учение, по которому каждый, поступающий на работу в предприятие широкого общественного значения, считается давным обязательством подчиняться мерам государственного регулирования споров. Трудовой договор становится чем-то очень близким к кабальной записи московского государства XV—XVI веков. Разница в том, что распорядителем кабалы является не одно лицо, а целый класс в лице находящихся под его могущественным влиянием органов государства. Во всем этом, конечно, очень мало права в классическом смысле слова, но зато преизобилие политической мудрости, которой хочет дополнить и усилить судебную практику Мелвилль Вестон.

Могучий рост американской промышленности и господство Нью-Йорка на мировом денежном рынке—таковы те факторы, которые толкают вперед юридическую мысль Америки. Значительно скромнее представлены эти моменты в хозяйстве Франции. Промышленное ее развитие попрежнему отстает от развития не только великих саксонских держав, но и побежденной, поработанной планом Дауэса, Германии. В финансовом отношении Франция стала данницей американских и английских банкиров. Все это отражается на правовом развитии страны, поражая косностью и вялостью сознания французских судей. Кодекс Наполеона продолжает господствовать над их умами. Наиболее характерны тому доказательства практика по вопросам семейного и брачного права. Может ли женщина требовать возмещения убытков, понесенных ею в связи со смертью сожителя? Суды Парижа и Монпелье разрешают этот вопрос в утвердительном смысле. На противоположной точке зрения стоит Амьенский суд. В своем решении по одному относящемуся сюда делу этот суд указывает, что внебрачное сожительство не только не порождает никакой юридической связи, но что оно в корне противоречит добрым нравам. Если женщина пользовалась при жизни покойного его материальной помощью, отсюда не возникает для нее никаких прав, ибо оказанная помощь подавалась ей совершенно добровольно и вне зависимости от каких бы то ни было обязательств. Рене Демог, реферирующий вопрос, всецело одобряет определение Амьенского суда. Опасно, замечает он, приравнивать сожительницу к супруге. В расчет следует принимать исключительно законные привязанности. Привязанности незаконные могут существовать,—говорят, что во Франции они весьма распространены,—но суду надлежит проходить мимо них, как, если бы они никогда не существовали.

Новый проект советского кодекса законов о браке и семейном праве обязует брачующихся сообщить друг другу точные сведения о браках, в коих они состояли ранее, а равно о лежащих на них обязательствах по выплате алиментов. Выполнение этого вполне разумного требования предотвратит, вероятно, немалое количество брачных осложнений. Гражданские законы Франции не предусматривают таких правил, но жизненная потребность в них настолько велика, что судам приходится восполнять проблемы законодательства. Гражданский трибунал в Бордо постановил о ра-

сторжении брака, который жена заключила в убеждении, что муж холост. В действительности, он был разведен и имел ребенка от первого брака. Трибунал исходил при этом из своеобразного толкования 180 ст. Гражданского Кодекса, согласно которой брак должен быть заключен по добровольному соглашению между супругами. Добровольность соглашения поддается оспариванию, рассуждает Бордосский трибунал, поскольку один из супругов был злонамеренно введен в существование заблуждение насчет гражданской личности другого. Под гражданской личностью надлежит при этом понимать не только данные, относящиеся к личности брачующегося, как таковой (напр., возраст, имя и фамилия, социальное положение), но и совокупность прав и обязанностей, образующих, так сказать, юридическую сферу данного лица. Французский юрист Годеме, реферирующий новейшую судебную практику по вопросам брачного и семейного права, считает решение трибунала Бордо чрезвычайно смелым и говорит о необходимости законодательной реформы, которая дала бы возможность судам не прибегать к слишком очевидным натяжкам в интересах житейской справедливости и здравого смысла.

Законодательная реформа, о которой мечтает Годеме, может быть, облегчит положение судов. Трудно, однако, рассчитывать, чтобы она разрешила вековечный конфликт между «справедливостью», понимаемой, как выражение нужд большинства общества, и «интересами оборота», как одной из форм проявления буржуазного индивидуализма. Преодолеть самые принципы буржуазного правопорядка буржуазная юстиция не в состоянии. Доказательство этому встречаются на каждом шагу, даже в самоповолейшей области так называемых исключительных прав (патентное, авторское и др.), которые должны были бы с наибольшей яркостью воспроизводить зачатки будущего в тканях настоящего. Любопытным примером может послужить недавно определенное парижского кассационного суда по вопросу о праве на псевдоним.

В 1902 году писатель Шарль Косс, известный в литературе под псевдонимом Пьер Маэль, заключил с другим писателем Шарлем Велсан, договор, по которому произведения, являющиеся результатом сотрудничества обоих авторов, выходят в свет под тем же псевдонимом Пьер Маэль. Договаривающиеся стороны согласились не нарушать распространяемого в публике представления о тождественности Маэля и Шарля Косса. Если, однако, последний умрет или отойдет от литературной деятельности, Велсан получает право пользования указанным псевдонимом при выпуске в свет своих произведений единолично. В 1904 году Шарль Косс умер, и его товарищ, унаследовавший псевдоним Маэль, продолжает спокойно им пользоваться до самой своей смерти, наступившей в 1920 году. После смерти Велсана вдова и наследники Шарля Косса заявили притязание на присоединение к их фамилии псевдонима Маэль, но встретили возражение со стороны вдовы и наследников Велсана. Отсюда судебный спор, поступивший на рассмотрение первоначально трибунала Сены, затем и Парижского кассационного суда. Наследники Велсана предлагали и о запрещении противной стороне именовать фамилией Маэль, мотивируя это требование возможностью ущерба для литературного наследия покойного Велсана, в особенности для тех его произведений, которые он единолично издавал в свет под псевдонимом Маэль после смерти своего товарища и компаньона. Какого рода ущерб предполагался истцами, из опубликованных в «Трехмесячнике гражданского права», данных установить невозможно. Наследники Косса в свою очередь указывали, что псевдоним Маэль, под которым был известен широкой публике их наследодатель, естественным образом сделался фамильным прозвищем всего

смерти Коссе. Суд согласился с доводами истца, исходя из точного смысла договора между обоими покойными писателями и, рассматривая псевдоним Маэль, как литературную собственность его творца Шарля Коссе, уступленную им на известных определенных в договоре условиях Шарлю Венсану.

Вывод Парижского суда страдает той несправедливостью, что в своей индивидуалистической трактовке права на псевдоним упускает из виду публичный интерес. Писатель имеет авторское право на свои произведения, но это не означает, что он может уступать их другому лицу для опубликования под именем последнего. Такая сделка не только существенно противоречила бы добрым правам, но и ввела бы в заблуждение издателей, журналистов и широкую публику, которая ошибочно приписывала бы приобретателю свойства, которыми он не обладает (талант, ученость и т. п.). Псевдоним точно также не может быть предметом неограниченного гражданского оборота. Достаточно представить себе, что Демьян Бедный уступил свой псевдоним какому-нибудь малотрабочатому рифмоплету; и для советского юриста станет совершенно очевидным, что прокуратура опротестовала бы эту сделку, руководствуясь интересами трудящихся масс. С точки зрения советского права, псевдоним известного писателя становится в некоторой степени общественным достоянием. Автор вправе пользоваться или не пользоваться им, но отнюдь не вправе переуступать его другому. Французская юриспруденция до этого сознания еще не дошла. И критические замечания, которые делает по поводу решения Парижского суда известный цивилист Рене Демог, остаются все в той же чисто индивидуалистической плоскости свободного юридического оборота.

Охрана индивидуальной свободы выступает на сцену даже в таких случаях, когда, с точки зрения здравого смысла, не следовало бы о ней говорить. За последние годы

участились иски больных за ущерб, причиненный неправильным лечением. Хирургические операции для данного рода случаев особенно показательны, так как терапевтическое лечение лишено преимуществ очевидности, присущих мастерству хирургического ножа. Согласно общепринятым правилам, врач не может делать операции, не заручившись согласием больного. Он должен предупредить больного о связанном с операцией риске, разве бы риск этот был незначителен, либо предупреждение могло неблагоприятно отразиться на самочувствии больного. Но случается, что во время производства одной операции, не представляющей особой опасности, обнаруживается необходимость в другой, гораздо более серьезной. Так, при удалении червеобразного отростка слепой кишки по поводу аппендицита хирург внезапно обнаружил разлитую раковую опухоль желудка, требующую удаления. Откладывать разрешение вопроса до выздоровления больного после первой операции, очевидно, нецелесообразно. Оперировать немедленно без согласия больного рискованно с чисто юридической точки зрения, ибо закон охраняет индивидуальную свободу. Парижский кассационный суд нашел, однако, что хирург уполномочен действовать согласно предписаниям своей науки. Возникающие отсюда юридические отношения должны рассматриваться по титулу *negotiorum gestio*—ведение чужих дел без поручения. Если принявший на себя это ведение действовал добросовестно и осмотрительно, он не только не отвечает за убытки, причиненные случайностью или непреодолимой силой, но даже имеет право на возмещение своих издержек и вознаграждение за труд.

Приведенные примеры из практики французских судов свидетельствуют, что новые принципы права с трудом прокладывают себе дорогу в косной юридической идеологии, все еще не способной оторваться от корней кодекса Наполеона.

И. Ильинский.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Уголовный Кодекс РСФСР. Практический комментарий под редакцией М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. Общая часть. Книгоиздательство «Право и Жизнь», Москва, 1924 г. 148 стр.

Рецензируемый комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР является коллективным трудом, в котором приняли участие профессора: М. Н. Гернет, А. А. Жижиленко, М. М. Исаев, П. И. Люблинский и А. Н. Трайнин. Редакторы комментария не оговаривают своего несогласия с теми или иными конкретными положениями, выдвигаемыми отдельными участниками этого коллективного труда. Никаких оговорок не делают и отдельные комментаторы. Мы вправе, поэтому, заключить, что группа составителей комментария, а в первую голову—оба редактора его, считают свой комментарий выдержанным в надлежащем духе и свободным от противоречий трудом, и готовы нести за него солидарную ответственность перед читающей публикой. На самом деле комментарий далеко не свободен от противоречий, а если и является выдержанным во многих местах, то далеко не в духе советского УК. Начать с того, что классовая сущность нашего УК, признаваемая и подчеркиваемая М. М. Исаевым (ср. его комментарий к ст.ст. 5—9 УК), обходится остальными комментаторами, даже комментатором ст.ст. 24—25 и 28 УК, М. Н. Гернетом, хотя, казалось бы, чего стоит комментарий к упомянутым статьям, не базирующийся на

понимании классового характера УК. Вообще большинство составителей данного комментария комментируют наш УК так, как если бы он ничем принципиально не отличался от уголовных кодексов буржуазных государств. Советское уголовное право не знает «вины», а в комментариях к ст. 11 УК мы читаем: «этим она (ст. 11 А. Э.) выдвигает основное требование уголовного права: без вины не может быть наказания». (Впрочем, уяснив себе в этом смысле содержание ст. 11 УК, читатель в дальнейшем, к своему изумлению, узнает из комментария к ст. 24 УК, что «в противоположность нашему дореволюционному законодательству и современным иностранным кодексам, строящим карательные системы на основе «вины» преступника, УК выдвигает на первое место опасность преступника и совершенного им преступления»). Советское уголовное право строит ответственность граждан СССР за преступные деяния, совершенные ими за советской границей, совершенно независимо от того, как относятся к этим же деяниям иностранные законодательства. Комментатор же ст. 2 УК, П. И. Люблинский, исходя из того положения, что каждому законодательству приходится (курсив наш А. Э.) учитывать не только уголовные законы своей страны, но и то, как реагирует или реагировал иностранный правопорядок на данное деяние», обращает внимание пролетарских судов на необходимость, при разборе дел о преступлении, совершенных советскими гражданами за границей, учиты-

вать, являются ли «предусматриваемые (за эти деяния А. Э.) иностранными законодательствами наказания... более строгими или более мягкими по сравнению с наказаниями, указанными в ст. 32 УК», и даже указывает, что суд «может запросить мнение НКВД» по этому вопросу. Тот же комментатор, сообщая, что «значительное большинство законодательств... принимают с доверием приговор иностранного уголовного суда», отмечает, что ст. 2 УК «оставляет этот вопрос открытым». Так и запишем: для профессора Люблинского (конечно, не для УК РСФСР) еще в 1924 году остается открытым вопрос, следует ли пролетарским судам относиться с доверием к приговорам болгарских, швейцарских, польских, румынских и прочих классовых буржуазных судов.

Далеко не безошибочно прокомментированы в комментарии и такие важные для повседневной судебной практики статьи, как ст.ст. 10, 11, 13, 14, 15, 16, 19. Применение аналогии, по мнению А. Н. Трайнина, «предполагает наличие косвенных признаков, по которым можно заключить, что по мысли авторов УК данное деяние должно подлежать наказанию»; каковы должны быть эти «косвенные признаки», впрочем, не совсем ясно и самому комментатору, ибо, сделав оговорку, что «где этого положительного условия (курсив наш А. Э.) нет, там ст. 10 применяться не может», он поясняет это положение на таком примере, который показывает, что автору следовало говорить об отрицательном условии, об отсутствии признаков, по которым можно заключить, что данное деяние, по мысли законодателя, не подлежит уголовному преследованию. Автор слишком суживает применение аналогии, допуская ее лишь в следующих случаях: «1) если в УК существует норма, предусматривающая иные виды того же рода деяний, к которому относится аналогичное действие, или 2) если в УК дано определение родового понятия тех действий, к которому относится аналогичное». Говоря о первом случае, автор, как показывает приводимый им пример, говорит, в сущности, не о применении норм уголовного закона по аналогии, а о пространительном толковании уголовного закона; второе же из выдвигаемых им положений, как оно расшифровано самим автором, способно лишь затруднить применение аналогии к непредусмотренным УК хозяйственным преступлениям (не говоря уже о преступлениях против личности и имущественных преступлениях), ибо УК не дает родового определения ни преступлений, предусмотренных в главе IV, ни преступлений предусмотренных в главах V и VI УК.

Совершенно неправильно обосновывает комментатор ст. 11 УК бесспорное и для УК РСФСР положение, что юридическая ошибка не устраняет уголовной ответственности, следующим соображением: «коль скоро существует общая обязанность каждого гражданина знать законы того государства, на территории которого он находится, ссылка на незнание запрещенности того или иного деяния не устраняет ответственности за учиненное им». Такое соображение было бы уместным в комментарии любого из буржуазных кодексов, но не в комментарии советского УК, ибо последний вовсе не определяет преступление, как запрещенное определенным законом деяние. Комментируя ст. 13 УК А. А. Жилинченко отмечает, что нельзя говорить о покушении в отношении так называемых формальных преступлений, и что покушение не может быть конструировано в отношении тех преступлений, которые характеризу-

ются, как действие, совершающееся мгновенно. Он упускает еще одну категорию преступлений, в отношении которых по нашему УК покушение не может быть конструировано, — именно, должностные преступления, предусмотренные ст.ст. 105—109 УК, поскольку при отсутствии определенных вредных последствий должностное преступление превращается в дисциплинарный проступок (ст. 105 ч. 2), а при наличии таких вредных последствий должностное преступление должно быть признано уже оконченным преступлением. Далее, анализируя ст. 14 УК, тот же комментатор признает покушение на негодным объектом, как покушение с суеверными средствами, конечно, наряду с прочими случаями покушения с негодными средствами. С точки зрения нашего УК, опасность совершителя деяния проявляется и в покушении с негодными средствами на негодный объект, и исключение (в смысле отрицания уголовной ответственности) должно быть сделано лишь для случаев покушения с суеверными средствами, поскольку советское право вообще не придает юридического значения религиозным или суеверным действиям, не связанным с причинением какого-либо вреда.

Нельзя согласиться и с рядом положений, выдвигаемых тем же автором при комментировании статей 15 и 16 УК. Идя в разрез со всей нашей судебной практикой, он считает, что ч. 3 ст. 16 УК предусматривает лишь заранее обещанное укрывательство. Мотивы и цель преступления, (например, низменные побуждения при убийстве — ст. 142 п. «а»), по мнению его же, не влияют на ответственность всех соучастников, осведомленных об этих мотивах или цели. Наконец, автор отрицает, опять-таки в разрез с нашей судебной практикой, возможность соучастия частного лица в должностных преступлениях в собственном смысле слова.

Что касается раздела IV общей части УК, то некоторые комментаторы (например, М. Н. Гернет) не свободны от взгляда на перечисленные в ст. 32 УК меры социальной защиты, как на кару (см. стр. 57). Признавая, что ст. 32 УК «не является в строгом смысле лестницей наказаний», комментаторы все же склонны рассматривать эту статью, как располагающую наказания в их исходной степени их тяжести (см. стр. 88), т. е. все-таки как известного рода лестницу наказаний. Вопреки прямому смыслу ст. 50 УК в комментарии к ст. 38 УК указывается, что назначение конфискации имущества в качестве дополнительного наказания возможно только в тех случаях, когда это предусматривается определенной статьей УК. В комментарии к ст. 39 сказано, что в тех случаях, когда в статьях особенной части УК штраф назначается наряду с лишением свободы, суду предоставляется лишь выбор между этими двумя наказаниями, но не назначение их вместе. Комментарий к ст. 50 УК прямо опровергает это толкование. Вопреки прямому смыслу ст. 459 УК, тезис 5 к ст. 39 отрицает возможность принудительного ареста и продажи имущества лица, приговоренного к штрафу.

В окончательном итоге приходится сказать, что, хотя авторы и назвали свой труд «Практическим Комментарием», он не представляет собою надежного руководства к правильному пониманию и применению советского уголовного права на практике.

А. Эстрин.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ;

Циркуляры НКЮ: 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174. — Инструкция Нар. Комиссариатов Внутренних Дел и Юстиции. Раз'яснения пленума Верх. Суда РСФСР.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 167.

Всем губернским и областным прокурорам.

О сообщении в отдел прокуратуры сведений о движении дел по 113 ст. УК.

В дополнение к сведениям о движении дел по 113 ст. УК (цирк. НКЮ № 121, «Ежен. Сов. Юст.» № 25) предлагается вам представить в Отдел Прокуратуры еще следующие данные:

- 1) процентное отношение дел по 113 ст. УК к общему числу должностных преступлений на отчетный месяц.
- 2) Процент дел, падающих на город и деревню.
- 3) Процент дел по 113 ст., падающих на: а) госорганы, б) кооперацию, в) профорганы, и г) другие общественные органы за отчетный месяц.
- 4) Точно также за отчетный месяц, а не по всем делам, имеющимся в производстве, даются сведения об имевшем место имущественном ущербе с распределением по указанным в циркуляре № 121 рубрикам.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Пом.

Прокурора Республики Крыленко.

26 августа 1925 года

Циркуляр № 168.

Краевым, обл. и губ. прокурорам РСФСР.

Копия прокурорам авт. республик.

Об охране архивного имущества.

По данным Управления Центрального Архива РСФСР, в течение истекших двух лет было истреблено путем продажи для утилизации или других целей большое количество ценного архивного материала, подлежащего сдаче органам Центрального Архива РСФСР. Виновниками указанного противозаконного деяния являлись не только частные лица, но и учреждения. Другим распространенным видом нарушения архивного законодательства Республики являлась передача Центральному архиву подлежащих материалов и содержание их в условиях, подвергающих их порче, или допускающих возможность их расхищения. Подобные нарушения не перестают наблюдаться и до настоящего времени, при чем нередко повреждению или гибели подвергаются архивные материалы большой политической, хозяйственной и научной ценности.

В целях устранения подобного рода деяний, наносящих вред государству, для устранения многообразия судебной практики мест по этого рода делам, и принимая во внимание несомненную необходимость принятия энергичных мер социальной защиты против истребления архивных материалов, НКЮ настоящим предлагает:

- а) Заявлениям архивных органов и делам по расхищению, истреблению или недопущенной законом утилизации архивного материала уделять должное внимание, всякий раз всуливно привлекая виновных к ответственности.

б) Оказывать архивным органам всяческую поддержку в деле собирания ими архивных материалов, если таковые будут нуждаться в защите закона.

в) Руководящими началами в деле охраны архивного имущества должны служить ст. 5 декрета СНК от 1 июля 1918 г. («С. У.» 1918 г. № 40, ст. 514), ст. 1 декрета СНК от 31 марта 1919 г. («С. У.» 1919 г. № 28, ст. 313), циркуляр Президиума ВЦИК всем губисполкомам и обласполкомам РСФСР от 9 февраля 1922 г. № 13833.

Народный Комиссариат Юстиции также раз'ясняет, что все дела по расхищению архивного имущества должны квалифицироваться применительно к ст. ст. 92 и 102 УК.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и

Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

26 августа 1925 года.

Циркуляр № 169.

Всем обл. и губ. судам и прокурорам.

Об ответственности за нарушение правил о выемке корреспонденции из почтово-телеграфных учреждений.

По сообщению редакции «Крестьянской Газеты», в последнее время имели место случаи задержки, сокрытия и даже уничтожения некоторыми работниками сельск. и волостн. советов селькоровских писем, адресованных в редакции газет; был случай, когда ответственный работник волисполкома предложил заведующему почтовым отделением задерживать и направлять ему для просмотра все письма, адресованные в редакции газет.

Отмечая громадную роль селькоровских разоблачительных писем в деле борьбы за революционную законность и рассматривая указанные случаи, как новый вид борьбы врагов советской общественности, боящихся критики и разоблачения, с селькоровским движением, Народный Комиссариат Юстиции, предлагая работникам прокуратуры, суда и следствия обратить серьезное внимание на этот новый вид борьбы с селькоровским движением, раз'ясняет, во-1) что корреспонденция может подвергаться выемке из почтово-телеграфных учреждений лишь в порядке, предусмотренном ст.ст. 186—188 У. П. К., т.-е. по специальному постановлению следственной власти, санкционированному прокурорским надзором, во-2), что изъятие корреспонденции из почтово-телеграфных учреждений должностными лицами, не имеющими на это права—является превышением власти, караемым по 1 ч. ст. 106 УК, в-3) что сокрытие и уничтожение селькоровских писем необходимо рассматривать, как препятствование нормальной деятельности советской печати, и виновных в этом предавать суду по ст. 92 УК.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Пом.

Прокурора Республики Крыленко.

28 августа 1925 года.

Циркуляр № 170.

Всем губернским и областным прокурорам.

О недопустимости продления срока оформления муниципализации в сельских местностях, установленного постановлением НКВД, НКЮ и НКЗ за № 106 (280).

В виду истечения предельного срока оформления муниципализации в сельских местностях, установленного постановлением НКВД, НКЮ и НКЗ за № 106 (280) («Еж. Сов. Юст.» с. г. № 23), и в связи с выявляющейся в последнее время в отдельных местах тенденцией к продлению этого срока, Народный Комиссариат Юстиции, исходя из постановления ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. и вытекающего из указанного междуведомственного постановления, предлагает решительно протестовать против всяких попыток самочинного продления установленного срока и о всех таких случаях немедленно сообщать в Прокуратуру Республики с приложением необходимых материалов для представления во ВЦИК.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и
Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

29 августа 1925 года.

Циркуляр № 171.

Всем губернским и областным судам.**О порядке расходования нотариальных сборов.**

Согласно парагр. 7 и 8 правил приема, сдачи и учета сборов, взимаемых при исполнении нотариальных действий—цирк. НКЮ 1924 г. № 71, нотариальные конторы все суммы нотариальных сборов обязаны переводить на текущий счет нотариального отделения, оставляя лишь сумму, необходимую на покрытие расходов по содержанию конторы в течение ближайшего месяца.

Согласно парагр. 11 тех же правил нотариальное отделение из находящихся на текущем счете средств удерживает лишь сумму, необходимую на содержание в течение ближайшего месяца нотариального отделения, а остальные суммы ежемесячно сдает в кассы НКФ в доход казны по смете НКЮ.

Ни на какие иные надобности, кроме содержания в пределах сметы нотариальных учреждений, нотариальные сборы расходуются быть не могут.

Между тем, из отчетных данных видно, что как нотариальные конторы, так и нотариальные отделения зачастую оставляют суммы, значительно превышающие расходы по своему содержанию в течение месяца. Таким образом, в доход казны своевременно не поступают принадлежащие государству денежные суммы. Кроме того, многие губернские и областные суды из сумм нотариальных сборов производят позаймствования на покрытие своих расходов.

В виду того, что указанное является нарушением правил приема, сдачи и учета сборов, взимаемых при исполнении нотариальных действий—цирк. НКЮ 1924 г. № 71, и принимая во внимание, что интересы казны требуют своевременного и в полной сумме поступления доходов, Народный Комиссариат Юстиции предлагает: 1) все задержанные, сверх месячной потребности, суммы нотариальных сборов немедленно сдать в доход казны; 2) впредь не допускать никаких задержек подлежащих сдаче в доход казны сумм нотариальных сборов; 3) все позаймствованные губернскими и

областными судами суммы нотариальных сборов в ближайшее время вернуть в нотариальные отделения и последним слати их в доход казны и 4) на будущее время не допускать никаких позаймствований из сумм нотариальных сборов.

Лица, виновные в невыполнении указанных требований, будут привлекаться к законной ответственности.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

31 августа 1925 года.

Циркуляр № 172.

Всем обл. и губ. прокурорам, губернским и областным (краевым) судам.

О направлении дел, подсудных губсуду и не требующих обязательного производства предварительного следствия (ст. 108 в новой редакции).

В связи с изменением редакции 108 ст. УПК на местах замечается разнообразная практика при направлении дел, подсудных губсуду, но не указанных в 108 ст. УПК (новой редакции), а потому впредь до уточнения этого вопроса в законодательном порядке разъясняется:

1) Все дознания по преступлениям, подсудным губсуду, но не требующим обязательного производства предварительного следствия (ст. 108 в новой редакции), направляются следователями по составлению постановления о передаче суду в порядке 223 ст. УПК непосредственно в губсуд.

2) Одновременно с сим следователь препровождает копию постановления о передаче суду подлежащему участию прокурору.

3) При наличии оснований, указанных в ст. ст. 4 и 202 УПК, означенные дознания следователь прекращает самостоятельно, согласно ст. 222 УПК.

4) Копии мотивированного постановления о прекращении дознания по делу, подсудному по своему характеру губсуду, следователь немедленно препровождает участковому прокурору.

5) Означенные дознания, не требующие обязательного производства предварительного следствия и подсудные губсуду, с постановлением о передаче суду, рассматриваются в распорядительном заседании губсуда в порядке ст. 390 УПК. Копии постановления о передаче суду должны вручаться подсудным в срок, указанный в ст. 392 УПК. Прокуратуре предлагается принять меры к тому, чтобы наблюдение и руководство производством дознания по таким подсудным губсуду делам осуществлялось следователями более полно и тщательно и усилить надзор за прекращаемыми следователями дознаниями по преступлениям, подсудным губсуду, путем основательного с ними ознакомления и в случае своего несогласия на прекращение вопроса переносить в распорядительное заседание губсуда, применительно к правилу ст. 226 УПК.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и

Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

1 сентября 1925 года.

Циркуляр № 173.

Всем губ. и областным прокурорам.

О порядке обращения населения с жалобами в Прокуратуру.

Непосредственные, помимо местных органов прокурорского надзора, обращения граждан с жалобами на действия местных органов власти в Центральную Прокуратуру, непрерывно растущие в последнее время, представляют собой явление, самым отрицательным образом отзывающееся на работу. Во-первых, это создает громадную и абсолютно ненормальную загрузку Центральной Прокуратуры, так как, по сути, что жалобы, не бывшие предметом рассмотрения местного прокурора и основывающиеся, обычно, на разном ряде нуждающихся в проверке документах, не могут получить в Центральной Прокуратуре окончательного разрешения и потому направляются ею, как общее правило, на включение местного прокурора. Во-вторых, это до известной степени лишает местную прокуратуру возможности своевременно реагировать на излагаемое в жалобе беззаконие, так как оно становится известным прокурору только по истечении иногда значительного срока, потребного для пересылки жалобы. Наконец, в третьих, это идет в ущерб интересам самих жалобщиков, так как затягивает разрешение вопроса, а для приезжающих для подачи жалобы в Москву соединяется еще и с напрасной тратой средств и времени.

На основании изложенного Прокуратура Республики предлагает принять срочные меры к возможно широкому, через местную прессу и низовые органы власти, оповещению населения о неудобствах непосредственного обращения с жалобами к Прокурору Республики без предварительного обращения к местному прокурору и, в частности, о тех мерах, которые принимаются с этим связаны.

Аналогичные мероприятия надлежит провести и по отношению к жалобам, поступающим к губернскому прокурору и не рассматривавшимся участковыми помощниками.

За Прокурора Республики Крыленко.

8 сентября 1925 года.

Циркуляр № 174.

Всем губ. и обл. (краевым) судам.

О составлении статистических листов на всех осужденных народными и губернскими судами.

По соглашению с ЦСУ и в отмену циркуляра НКЮ № 56—1923 г. Народный Комиссариат Юстиции предлагает составлять и препровождать по принадлежности статистические листки на всех осужденных по приговорам, вступившим в силу, в том числе на осужденных заочными приговорами и судебными приказами. Листки об осужденных заочными приговорами и судебными приказами заполняются только теми сведениями, которые имеются в деле.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

8 сентября 1925 года.

ИНСТРУКЦИЯ

НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЮСТИЦИИ.

По применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 23 марта 1925 г. о порядке употребления государственного флага РСФСР учреждениями, организациями и частными лицами (С. У. 1925 г. № 20, ст. 145).

На основании ст. 4 декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 23-го марта 1925 года о порядке употребления государственного флага РСФСР учреждениями, организациями и частными лицами, Народный Комиссариат Внутренних Дел и Народный Комиссариат Юстиции предлагают принять к руководству нижеследующую инструкцию:

1. Государственный флаг РСФСР, состоящий из прямоугольного полотнища красного (алого) цвета, с отношением длины полотнища к ширине, как 2:1, в верхнем левом углу которого у древка помещены золотые буквы «РСФСР», поднимается:

а) на зданиях, где происходит Всероссийский, а также местные (краевые, областные, губернские, окружные, уездные, районные и волостные) Съезды Советов, а также сессия ВЦИК—в течение всего Съезда или сессии;

б) на зданиях ВЦИК и Совнаркома РСФСР, а равно на зданиях всех местных исполкомов и советов—постоянно;

в) на зданиях прочих государственных и местных органов РСФСР (паркоматов, отделов местных исполкомов и проч.), а равно на зданиях государственных предприятий РСФСР и объединений таковых (трестов, синдикатов)—в дни общепролетарских, общесоюзных, республиканских и местных празднеств и торжеств.

2. В дни общепролетарских и общесоюзных празднеств и торжеств на всех зданиях государственных, кроме упомянутых в ст. 1, как-то: учебных заведениях, больницах, театрах и т. п., поднимается флаг, состоящий из полотнища красного (алого) цвета без надписей и обозначений, прямоугольный, с отношением длины полотнища к ширине, как 2:1.

3. Обязанность поднимать на зданиях флаг, указанный в ст. 2-й, распространяется также на профессиональные, кооперативные и другие общественные организации, учреждения и предприятия в дни общепролетарских и общесоюзных празднеств.

4. Частные лица, частные учреждения, предприятия и организации могут по их желанию вывешивать указанный в ст. 2 флаг на фасадах принадлежащих им домов, магазинов, заведений и т. д. в дни общепролетарских и общесоюзных, а также республиканских и местных празднеств.

5. Флаг приобретается и заготавливается собственными средствами учреждений, организаций или лиц, вывешивающих таковой.

6. На органы милиции возлагается наблюдение за исполнением настоящей инструкции.

7. Циркуляр НКВД № 481 от 18-го октября 1924 г. «О вывешивании флагов в дни пролетарских праздников» (опубликованный в «Бюллетене НКВД» 1924 года № 39), с изданием настоящей инструкции отменяется.

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Болдырев.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

1 августа 1925 года.

Раз'яснения пленума Верх. Суда РСФСР.

От 24 августа 1925 года (прот. № 14).

О раз'яснении 440 ст. УПК.

Раз'яснить, что право приостановки приговора заключается либо в отсрочке приведения в исполнение приговора, не обратившего к исполнению, либо в приостановке, т.-е. перерыве отбывания наказания до окончания производства в порядке надзора, следовательно, во всех тех случаях, когда лица, указанные в ст. 440 УПК, истребуют дело с указанием в требовании о приостановке исполнения приговора, по которому осужденный уже лишен свободы или поставлен на принудительные работы, судам надлежит немедленно приостанавливать исполнение приговора, избирая меру пресечения по делам с краткосрочной мерой социальной защиты (до 1 года лишения свободы), предусмотренную ст. 143 УПК, подлинку.

О раз'яснении 458 ст. УПК.

В связи с введением в действие ИТК и в виду того, что досрочное освобождение в порядке 458 ст. УПК производится судом исключительно при наличии тяжелой и неизлечимой болезни, подтвержденной актами медицинской комиссии и заключениями врачей-экспертов, раз'яснить, что присутствия представителей распределительных комиссий в суде при рассмотрении этих вопросов не требуется. Сведения же о работе и поведении заключенных, если таковые и потребуются, должны быть запрошены от наблюдательных комиссий.

Об отмене циркуляра б. Верхтрибунала ВЦИК от 30 декабря 1922 г. за № 202.

Циркуляр б. Верхтрибунала ВЦИК от 30 декабря 1922 г. за № 202 отменить.

О раз'яснении ст. ст. 234 и 249 УПК.

Согласаясь с мнением пленума Ленинградского губсуда, раз'яснить, что при несогласии с постановлением о предании обвиняемого суду нарушья вправе внести дело в распорядительное заседание для разрешения вопроса о дальнейшем направлении дела (на исследование, на прекращение и т. п.) на общих основаниях, т. к. 234 ст. и 249 ст. УПК не имеют в виду обязывать суд внести эти дела во все случаи в судебное заседание, а указывают лишь общий порядок направления этих дел, по которым не требуется производства предварительного следствия при условии согласия нарушья с постановлением следователя о предании суду.

Протест пом. прокурора УНК на определение УНК Верхсуда от 10 августа 1925 года по делу военн. триб. 2 стр. испруса и гарнизона г. Москвы по обвинению гр. Смирнова-Старикова по п. «в» ст. 205 УК.

Раз'яснить, что в тех случаях, когда суд придет к убеждению об отсутствии особой социальной опасности и вследствие этого отступает от меры социальной защиты, предусмотренной данной статьей, как нормальная мера, суд обязан указать, по каким мотивам он пришел к убеждению об отсутствии особой социальной опасности, при чем, если эти мотивы субъективного характера, т.-е. если суд считает, что данное лицо не является особо социально-опасным, он (суд) не может определять ему расстрел, хотя бы и с последующей заменой другой мерой социальной защиты, а обязан по изложению этих мотивов, указать, какую меру социальной защиты он, в конечном итоге, определяет осужденному, т. к. расстрел во всех случаях и по всем преступлениям является исключительной мерой и может быть определен лишь лицам, признаваемым судом особо социально-опасными.